

I 849043

✧ *Василий Елесин* ✧

**ПЯТАЧОК
НА
БЕРЕГУ**

❀ *Василий Елесин* ❀
**ПЯТАЧОК
НА
БЕРЕГУ**

ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Т 849043

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Архангельск

1977

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. М. В. Гоголя

РС
Е 50

В повести рассказывается о поездке девочки Нины вместе с папой к нему на родину, в северную деревню, об их путешествии на лодке по северной реке, о рыбной ловле и о ночевках на берегу озера. Много интересного и полезного для себя вынесла из этой поездки маленькая героиня повести, встретившись с разными людьми и впервые столкнувшись с серьезными трудностями.

Книга эта учит любви к родному краю, к природе, учит беречь и защищать ее.

Е $\frac{0762-026}{157(03)-77}$ 5-26-77

ЕДЕМ!

Сначала мама рассердилась. Потом заплакала. Целую минуту Нинка думала, что делать. Нет, она не стала реветь, кричать и топтать ногами. Она просто подошла к маме, ласково потерлась головой о платье и ясно посмотрела в ее заплаканные глаза.

— Мамочка, ты не бойся! Вот увидишь, я буду умная. Я тебе оттуда ракушек привезу!

На мамино лицо пробилась улыбка. Как будто солнышко выглянуло из-за тучки. Улыбку и папка сразу заметил, хотя все время сидел в кресле, тихонько насвистывал и читал книгу. Хитрый!

— Ладно, — вздохнула мама. — Поезжайте. Только смотри, Сережа. Глаз с нее не спускать!

— Есть глаз не спускать! — подмигнул Нинке отец.

Нинка запрыгала от радости. Папка подбросил ее к потолку, поймал и снова подбросил, а она в это время кричала:

— Едем! Едем! Едем!

Кошка Дунька, которая от шума забила под диван, высунула оттуда озорную мордочку, галопом пронеслась мимо и в два прыжка взлетела по оконной занавеске на самый верх. Видно, и ей стало весело.

...Рюкзак укладывали до позднего вечера. Он занял чуть не половину прихожей — толстый, важный. Нинка хотела приподнять рюкзак от пола. Она всё пыхла и пыхла, пока мама не увидела и не шлепнула ее пониже спины. «Обижаться или нет? Не стоит обижаться. Маме и так не сладко: остается одна в целой квартире».

— Ты, мамочка, без нас не скучай. Мы скоро вернемся. И Дунька пусть не скучает. А если ей без меня станет грустно, ты ее погладь немножко...

И, запрыгав на одной ноге около мамы, Нинка запела:

В Бечевинке все травинки
Пахнут летом и росой.

Эти две строчки она еще днем придумала. А тут папка услышал и сразу подхватил:

Босиком помчится Нинка,
Будет папочка босой!

— Вот так раз! — рассердилась мама.— Не хватает еще, чтобы вы все ноги изрезали!

БУЛЬКА

Просто удивительно, до чего рано утро начинается. Солнышко в спальню сперва несмело заглянуло, потом подбежало к Нинкиной кровати и горячим лучом пощекотало закрытые глаза. Нинка на бок повернулась — солнышко стало затылок щекотать. Она еще раз перевернулась, проснулась и испугалась.

— Мама! — закричала она на весь дом.

— Что с тобой? — заглянула в комнату мама.

— Папа уехал?

— Папа спит. И тебе нечего в такую рань вставать. Половина седьмого.

— Всего-то? — удивилась Нинка. — А солнышко во-он куда забралось!

Хотела она снова уснуть. Глаза закрывала, веки пальцами прижимала — никак не усыпается. А тут еще кошка Дунька прыгнула на кровать и стала через одеяло невзাপравду кусать колено.

— Эх ты, дурочка! — сказала ей Нинка. — Играешь и не знаешь, что сегодня я за тридевять земель уеду, в тридесятое царство, на реку Бечевинку, на озеро Дружинное...

После таких слов Нинке стало жаль маму, Дуньку и немножко себя. Она быстро вскочила, натянула платишко, шмыгнула на балкон.

Ух, какой простор! Весь город под ногами лежит. Сразу захотелось на перила балкона вскочить, руки раскинуть и — полететь! Сначала бы к школе. Потом бы над вокзалом. А потом повернула бы и прямо в раскрытое окно кухни влетела — больно вкусное чего-то там мама жарит. Сбегать, что ли? Только ведь мама сразу дело какое-нибудь найдет, а уж умываться сразу заставит, это точно. Нет, лучше потерпеть...

После завтрака папка собрался за билетами.

— К половине десятого будь готова, — сказал он Нинке. — Я на такси приеду.

— На такси! Ура!

Стала Нинка отца дожидаться. Ходит из угла в угол, а стрелка на часах не двигается, как приклеенная. Это всегда, как смотришь на часы, стрелка не двигается, а как уйдешь гулять — сразу на два часа вперед перекрутится. Не любит, когда на нее смотрят. Погрозила Нинка будильнику пальцем и шмыгнула за дверь, а там вниз по лестнице — только ступеньки замелькали.

Подружки Нинкины тут как тут. Да не одни — с Булькой. Забавный был этот Булька: круглый,

с черными глазами-бусинками, с белыми острыми зубками. Стали с ним играть: сперва во дворе, потом за домом, потом еще дальше, в старом сквере. Среди кустов самое раздолье: начали Бульку учить спрятанную панамку искать. Щенок панамку искать не хотел, а только бегал и лаял радостно.

Вдруг Нинка как вкопанная замерла. И, ни слова не говоря, во все лопатки — к дому. За угол когда повернула, поняла, что в беду попала. Стояла у подъезда большая черная «Волга», а рядом отец шагал взад-вперед, часы к глазам подносил, оглядывался. Нинку увидел — нахмурился.

— Явилась? А я решил тебя дома оставить. Слово свое держать не умеешь.

Земля у Нинки из-под ног поплыла.

— Папочка! Булька... Папочка, прости, пожалуйста, это все Булька!

— Ладно, марш в машину!

Не успела Нинка на заднее сиденье плюхнуться, как мама показалась.

— Все осмотрела, нигде нет! — крикнула она издали.

— Сама нашлась. Поехали, опаздываем!

Шофер, толстый усатый дядька, поймал в маленьком зеркальце испуганный Нинкин взгляд, подмигнул:

— Ничего! За пять минут подброшу!

Поезд был длинный. В голове его задумчиво посапывал красный тепловоз.

— Скоро отправление? — спросил отец у красивой девушки, которая около вагона билеты проверяла.

— Через три минуты.

По черным решетчатым ступенькам поднялась Нинка в тамбур. За ней папка влез, о стенки рюкзаком задевая. Место около окна отыскалось, и Нинка сразу маму увидела. Мама тоже Нинку заметила, улыбнулась, рукой ей помахала и вдруг заплакала. И Нинка помахала ей рукой, и тоже хотела заплакать, только у нее это никак не вышло. Она наморщила лоб и сжала губы, а слезы все равно не текли.

Вздрогнул, дернулся вагон, проплыли мимо него мама, потом вокзал, буфет. Удивилась Нинка: как получается, что вагон вроде бы на месте стоит, а весь город от него уплывает.

— Это просто так кажется, — объяснил отец.

А почему так кажется, не понятно. Могло бы и по-другому казаться. Ну, например, что город как стоял, так и стоит, а вагон как поехал, так и едет.

За вокзалом темные склады потянулись, заводские цехи, маленькие деревянные домики. Не интересно стало, и принялась Нинка свое купе разглядывать.

Отец напротив сидел, руками размахивал: разговаривал с бородатым дядькой в белой рубашке. Скучные люди взрослые. Как начнут сыпать непонятными словами, так и остановиться не могут. Смотрели бы в окно лучше. Вот уже и лес начался. Присмотрела Нинка: в отдалении что-то с одного дерева на другое прыгнуло и быстро-быстро вверх полезло. Белка! Она, рыжая!

— Папа! Белка! Белка!

— Где?

— Вон-вон, смотри! Вон там, на дереве!

— Нет, не вижу.

— Эх ты! Все теперь. Проехали.

Промелькнула река, прогремел мост под колесами. На реке — лодка, а в ней полуголый парнишка с удочкой. Вот бы узнать: поймал он кого-нибудь или нет? Жалко, что поезд остановить нельзя. Хорошо бы: остановила, вышла, искупалась, у мальчишки улов проверила и сказала машинисту:

— Ладно, давайте дальше. Остановка — по моему сигналу!

А машинист кивнул бы ей и ответил:

— Будет сделано!

Нет, не останавливается поезд. Быстро проскочили мимо маленькая будка и высокая женщина с желтым флажком. Конечно, если каждый пассажир будет командовать, где остановиться, так поезду только и дела, что стоять.

А может, кто-нибудь в гости спешит. Или в отпуск. Так половину отпуска в поезде просидишь.

Снова лес пошел, заслонил небо, как быстрая зеленая стена. Мчится поезд в зеленом коридоре, постукивает: тук-тук-тук, тук-тук-тук. Слушала Нинка, слушала и стала напевать. Сперва просто так, без слов, потом про то, что видела. И получилась у нее песня:

Проезжали мы леса,
В речке плыли небеса,
Видели мы лодку
И большую тетку,
Видели мы белку —
Рыжую гляделку!

На остановке в купе две старушки появились и тетенька в желтой кофте. Сели они, узлы к себе придвинули и сразу все говорить начали да так громко, что отец с дяденькой замолчали и поглядели на них с удивлением. И Нинка тоже с удивлением поглядела.

— Грибной год-от нонече будет, грибной, ма-тушка. Колосовики, гли-ко, носят, да и помногу...

— Ой, я вчерась ходила,— перебила женщина в желтой кофте, — полно, полно! Да все большие-то эдакие, а все гнилье, скажи, чисто все гнилье. Поди, жарко али муха какая на их напала, а я много набрала, весь вечер чистила. Хохо-чу: полну наволочку насушу, а Ваня и говорит:

вот себе заместо подушки и сделай, а я, говорит, грибов не ем...

Еще одну остановку проехали, а тетенька все говорила, говорила. «Вот у кого язык-то длинный!» — догадалась Нинка и в рот тетеньке старательно заглянула. Нет, язык был обыкновенный, красный, и все время за золотым зубом прятался.

— Что, красивый у меня зуб? — засмеялась тетенька, заметив Нинкины старания.

Нинка застеснялась, к окну отвернулась, а тетенька стала теперь про зубы рассказывать. Пошла Нинка по вагону бродить. Заглянула в купе, где красивая проводница пила чай. В тамбур хотела выйти, да дверь туда не открывалась. Когда к себе вернулась, тетенька все еще про зубы рассказывала. Папка в окно смотрел. Нинка к нему подседа и стала смотреть тоже.

Лес оборвался, плавно проплыли мимо кусты, а за ними широкий, в разных цветах луг. И снова под стук колес Нинка свою песенку мурлыкать стала.

Пела-пела, а тут и поезд остановился. Папка с верхней полки рюкзак потянул и себя по голове стукнул. Стал надевать — стукнул по плечу бородатого дяденьку. Повернулся, чтобы извиниться, и другого дядьку задел, который в проходе стоял. Смешно Нинке — в кулак прыснула. Бородатый дяденька улыбался. Только тот, в проходе, недоволюно нахмурился.

От станции к дому тети Насти узенькая плотная тропинка пролегла через поле. И справа и слева над Нинкиной головой мягкие ржаные колоски поднимались — ничего не видно по сторонам. Впереди отец своим рюкзаком тропинку закрывал. Назад оглядываться — скучно. Нинка лицо вверх вскинула и стала за белыми лохматыми облаками следить. Шагала-шагала, о камень споткнулась, в рожь шлепнулась.

— Осторожнее! — сказал отец и повернулся так быстро, что тоже чуть не упал.

Нинка не ответила, потому что перед самым ее носом цветок рос, такой синий, будто небо уронило его на землю из самой синей своей синевы. Нагляделась Нинка, понюхала и сорвала цветок:

— Пап, смотри!

Только папка совсем не удивился.

— Василек, — сказал он, вытирая пот со лба. — Сорняк-вредитель.

— Неправда! — возмутилась Нинка. — А почему он такой красивый?

— Красота и польза не всегда одно и то же. Нинка цветок в пальцах повертела, подумала.

— А что лучше: красота или польза?

— Трудный вопрос. Чтобы на него ответить, надо знать, что такое красота и что такое польза. А это дело все по-разному понимают. Ты вот, скажем, василек сорвала. Полю — польза, тебе —

красота, а васильку — смерть. Видишь как, кудри русые.

Взобрались они на вершину холма, и внизу показалась деревня. Шесть домов насчитала Нинка на берегу извилистой голубой речки. Маленькой казалась отсюда деревня, низенькой, и было ее почему-то немножко жалко.

— Бечевинка? Пап, это — Бечевинка?

— Она самая! — счастливо улыбнулся отец. — Давай-ка присядем, отдохнем.

— Ой, папка, речка какая!

— Хорошая?

— Лучше всех на свете!

Долго сидели, леса да поля разглядывали, за которые, извиваясь, как веревочка, убежала речка Бечевинка.

— Вот мы с тобой и путешественники!

— Какие же мы, папка, путешественники? Путешественники всегда ищут чего-нибудь. Или клад, или какую-нибудь тайну. А мы просто так едем.

— Кто это тебе сказал, что просто так? Мы тоже искать будем, да не один клад, а сразу два.

— Какие? Папка, какие? — затормошила отца Нинка.

— Как это, какие? Сама спрашивала, что лучше: красота или польза? Вот и давай искать — ты красоту, а я пользу. Как найдем, так и узнаем, что лучше. Идет?

— Как же я красоту найду? Я ведь не знаю, где она. На озере, что ли?

— И я не знаю, дочка. А только, помнишь, как в песне поется: «Кто ищет, тот всегда найдет!» Ну что, согласна?

— Согласна.

— Тогда поднимайся. Пойдем к тете Насте.

Дом у тети Насти большой. Под окном — черемуха, зеленая да густая. Бревна в стенах почернели от времени да от плохой погоды. Дверь не заперта, только к ней наискосок длинная палка приставлена.

— Никого дома нет.

Отец рюкзак снял, на крыльцо бросил.

— Сейчас перекусим, я в магазин пойду, а ты погуляешь.

— И на речку можно?

— В воду не полезешь, так можно.

Отставили палку в сторону, в просторную комнату вошли. Широкую белую печь, крепкий стол, телевизор, старинный шкаф — все внимательно осмотрела Нинка. Постояла перед фотографиями в зеленой рамке.

— Папка, а вот ты!

— Ага. Я тогда еще в деревне жил.

— А зачем ты уехал?

— Как тебе сказать? Садись, ешь. И что это ты сегодня все трудные вопросы задаешь? Уехал, ну скажем, потому, что институт окончил, а в деревне по моей специальности работы не было. Ясно?

— Ясно...

Молча поели колбасы с хлебом, водой из деревянной кадки запили. Больно вкусной показалась Нинке вода. Холодная, чистая и хотя не сладкая совсем, а пить ее снова и снова хотелось. Нинка все подходила и подходила к кадке, пока отец не оговорил:

— Так будешь дуть воду — к вечеру лопнешь, это точно.

НАХОДКА

Деревенская улица Нинке не понравилась. Все было интересно, пока не бросилась к ней большая черная собака. Такая нахальная! Остановилась в трех шагах и залаяла басом. А у самой клыки длинные, острые, толщиной с Нинкин палец. Завизжала Нинка что есть мочи. Собака сразу притихла, ушами встряхнула, к дороге попятилась. Раскрылось окно в доме напротив, из окна дяденька выглянул:

— Пират, домой!

Оглядываясь на Нинку, Пират к своей конуре потрусил, а Нинка, тоже оглядываясь, к реке пошла. И правда, не собака, а настоящий пират. Схватит за ногу — только косточки захрустят.

На берегу совсем тихо и сонно. Только куры около перевернутых лодок что-то ищут. Другие лодки в воде стоят. Борта их, прогретые солнцем,

849043

ВОЛОГОДСКАЯ 17
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

черно блестят, лоснятся от растопившейся смолы. Забралась Нинка в одну лодку, покачалась, нагоняя на берег маленькие волны. И вдруг услышала тревожные крики. Доносились они от туда, где посередине реки зеленый остров красовался, а вдоль берега широкая песчаная отмель тянулась. Забралась Нинка на нос лодки и увидела, что по отмели какие-то люди мечутся и что-то там у них случилось. Не раздумывая, на берег спрыгнула и по тропинке пошла. Мало ли, может, помочь надо.

Остались позади крайние избы, луг потянулся, от цветов пестрый. Местами его будто молоком облили, столько здесь ромашек росло.

Тут на Нинку из травы прямо вынырнул белоголовый мальчишка. По лицу у него горохом слезы катились.

— Ты зачем плачешь? — громко спросила Нинка.

Мальчишка рукой махнул и дальше, к деревне умчался.

На отмели трое ребят по песку взад и вперед ходили, в воде чего-то разглядывали.

— Вы его побили? — спросила Нинка.

— Ну да, «побили...» — возразил самый высокий.

— А чего он плачет?

— Заплачешь! Сестра у него утонула, Машка.

— Когда?

— Когда, когда... Сейчас вот, пока на остров плавали.

— Маленькая?

— Еще бы не маленькая. Три года, небось. Мы уплыли, а она на песке сидела. Приплыли, а ее нет.

— Лодку надо взять, а вы стоите!

— Без тебя знаем. А ты не мешай. Ты чья?

— Ничья.

— Ну и шагай. Тоже... Расспрашивает, а сама от горшка два вершка. Топай, топай, а то дерну за косу, худо будет!

Нинка на всякий случай подальше отбежала, туда, где песок кончался, а трава начиналась. Намотала на руку травинку, потянула. Не подавалась травинка. Присела и — вот оно! На песке ясно маленькие следочки отпечатались. Только шли они не к реке, а на луг. Там, у реки, мальчишки все следы, ясное дело, затоптали, вот и не знают, где искать. Торопливо пересекла Нинка травянистую тропинку и по лугу кругами стала ходить: вроде цветы собирает. И точно. Шагах в двадцати от тропинки в высокой траве белокурая маленькая девочка крепко спала. В кулачке три ромашки зажаты.

От радости Нинка было в ладоши хлопнула и рот открыла, чтобы мальчишек позвать, да сразу спохватилась. Пусть поищут! Пусть поволнуются! Будут знать, как грубить незнакомым девочкам. Вишь, какой нашелся: за косу!

Чу, топают кто-то. Снова мчится по тропинке белоголовый мальчишка, а за ним бородатый человек бежит — земля дрожит.

— Сюда! — закричала Нинка. — Сюда, нашлась Машка!

Мальчишка и дяденька остановились, потом к ней повернули.

— Вот она!

— Спит! Ну, я те задам! Я те задам! Ты у меня крапивы спробуешь! — кричал белобрысый мальчишка.

— Посмей только! — заступилась Нинка. — Сам виноват, да еще и грозитя!

Проснулась девочка от шума, заплакала. Бородатый ее тихонько на руки взял.

— Не бойся, доченька, не бойся! Это Петька тебя потерял? Попадет теперь Петьке от мамки. Попадет?

Девочка головой кивнула.

ГРЕЛКИ РАЗНЫЕ БЫВАЮТ

Отплываем!

Приютилась Нинка на корме большой лодки между рюкзаком и мешком с картошкой. Отец в уключины новые весла вставил и длинным шестом от берега оттолкнулся.

— До свиданья, тетя Настя!

— Приезжайте скорая! Да тихонько там, на озере-то, не кувырнитесь!

Двинулась, поплыла лодка. Осталась на берегу тетя Настя, глядела из-под руки. Спят в деревне ребяташки: и белобрысый Петька, и маленькая Машка, и забияка Витька спит, который хотел Нинку за косу дернуть. Спят и сны видят, а вот они с папкой плывут в далекое путешествие, за тридевять земель. И будут плыть до конца, пока не найдут, что задумали. Хорошо!

Хорошо-то, хорошо, только холодно. Солнышко еще из лесу не выбралось. Над водой дымные полосы тумана изгибаются. С весел на лицо мокрые брызги падают. Дрожь так сильно пробирает, даже ноги притопывают. Руки вон уж совсем посинели. Сунешь их под свитер — рукам теплее, а самой еще холоднее. Самое бы время сейчас заплакать, как дома бывало, да нельзя. Ведь тогда что получится? Папка, скорее всего, взглянет с обидой и скажет чего-нибудь вроде:

— Эх! Говорили мне: не связывайся с девчонкой!

Лучше потерпеть.

Тихо впереди, ни морщинки. Идет лодка, как по туманному зеркалу. Поскрипывают весла, да за кормой к деревне две тяжелые водяные складки тянутся. Вот и остров, куда мальчишки без Машки плавали, повернулся перед ними обрывистым желтым боком. Повернулся и тихо назад ушел, закрыл собой деревню. Одни росистые

луга теперь виднелись, а за ними к самой воде темный лес подступил. Сидят, наверное, в темном лесу медведи да волки, зубами щелкают: не попадайся!

От холода да от страха тихо всхлипнула Нинка. Жалко, что мамы нету с ними. Она, небось, сразу бы заметила, что дочке холодно, придумала бы, как согреться. А отцу что? Ему и дела мало. Не зря мама всегда говорит: «Эх, мужчины, мужчины!»

Нинка на отца исподлобья посмотрела, громче всхлипнула.

— Ну что, брат, совсем замерзла? Невтерпеж? А ну, слушай мою команду! Корзину с хлебом затащить на скамейку, мешок подвинуть ко мне!

— С-сам т-таскай,— протянула Нинка сквозь слезы.

— Вот, значит, как? А с кем я договаривался, что все команды будут выполняться без обсуждений? Или делай, что я говорю, или сейчас повернем обратно в деревню.

Встала Нинка, пошатнулась, корзину схватила, поднатужилась. Тяжело! Еле-еле перетащила на скамью.

Стала мешок с картошкой вперед толкать. Толкала-толкала, ни с места. И картошки в нем меньше половины, а никак. Уперлась тогда в мешок ногами, спиной в скамейку, — отъехал мешок чуть-чуть. Еще чуть-чуть. Раз-два, взяли! Еще раз! Ну вот и все.

Села Нинка на скамейку. А куда холод девался? Будто его и не было!

— Теплее стало? — спросил отец.

— Ага.

— Это работа тебя согрела.

— Скажешь тоже! Ведь работа — не печка.

Что ли, она греет?

— Еще как! Все знают: лентяй и на печке мерзнет, а работающему и мороз нипочем. Работа — это такая штука, что и жить помогает, и силу дает, и грусть прогоняет.

— А как она грусть прогоняет? Тут ты, папочка, наверно, приврал немножко. Вот когда меня мама в угол поставит, так чего хочешь делай — все равно грустно.

— Ну, в углу, может, и не прогоняет, — согласился отец.

РУЛЬ — ШТУКА СЕРЬЕЗНАЯ

Наконец-то солнышко на небо вылезло. Вода заискрилась, заголубела, ожил лес. И вовсе он стал не темный, а светлый да веселый. Улыбается лес хорошему утру, бойкому птичьему пенью. Все деревья в лесу разные, каждое само на себя похоже. Листья от росы блестят, как гирлянды новогодние.

Празднично стало в лесу, просторно на реке, весело в лодке. Да и сама лодка вроде как за-

играла, на самую середину реки выбежала. То к одному берегу носом повернет, то к другому — такая любопытная!

— Папка! А отчего это наша лодка не прямо идет, а все туда-сюда шарахается?

— Да ведь мне не видно, куда плыть. По правилам на лодке рулевой должен быть, а где его взять?

— Давай я рулевым буду!

Папка на секунду задумался.

— А что? Давай испробуем!

Весла в воду опустил, на корму перелез, да так быстро, что лодка чуть воды не зачерпнула, а Нинка обеими руками в борт вцепилась.

— Смотри. Вот рукоятка. От нее палка идет к воде, а в воде лопатка. Если нос лодки влево повернет, рукоятку сюда сдвинешь. А если направо станем забирать — рукоятку туда. Держи руль так, чтобы лодка все время вдоль берега шла. Поняла?

— Поняла, поняла!

Сел отец за весла. А когда нос лодки вправо стал забирать, отодвинула Нинка рукоятку, что было силы. Тут вся экспедиция сразу к другому берегу направилась, а потом и вовсе назад повернула.

— Бунт на корабле! — засмеялся отец. — Команда решила возвращаться домой. Ты не торопись. Плавно, потихоньку.

Нет, ничего у нового рулевого не получалось.

Заплясала лодка на воде пуще прежнего. Лопнуло терпение у Нинки.

— Не буду рулевым! Какой это руль — палка да и все!

— Ты опять? — нахмурился отец. — Бери руль в руки! Так держать!

— Есть так держать! — всхлипнула Нинка.

А потом оказалось, что лодка-то послушная очень, только к рулю привыкнуть надо. Так постепенно Нинка и привыкла. Тогда налег отец на весла, понеслись они стрелой мимо соснового бора, мимо болота, мимо камышей.

— Полный вперед! — закричала Нинка тонким голосом, на руль налегла, и, круто повернув, врезалась лодка в камыши, только по бортам зашуршало.

— Ну, кончай баловаться! — рассердился отец. — Эдак мы три года проедем.

— Сейчас, папочка, погоди минутку! Я только камышинку сорву!

Такой красоты Нинка раньше никогда не видывала. На длинном желтоватом стебле качалась пышная коричневая шапка, точь-в-точь как шоколадный батончик, только намного больше, и мягкая-мягкая, совсем бархатная. Сорвать ее не так-то просто. Ничего бы не вышло, если бы папка стебель ножом не срезал.

Пока в камышах возились, вдали застучало.

— Тах-тах-тах-тах-тах...

Все ближе, все треск слышнее.

— Кто же здесь, по болоту, на мотоцикле едет? — гадала Нинка.

Вылетела из-за поворота лодка. Нос ее в воздухе висел, корма к самой воде прижалась. Человек за рулем будто по пояс в воде, а из рук у него пенный закрученный вал вырывается. Прямо на них летела незнакомая моторка. Как врежется, только щепки посыплутся! Нет, прошумела мимо, а путешественников на волне так качнуло, что даже отец за борт руками ухватился.

Показалась впереди песчаная отмель, на разломанную булку похожая. Повыше — вроде зажаристой корочки — красная глина, пониже, как мякиш, — белый песок.

— Папка, пляж!

— Стоп, машина! — сказал отец, загребая левым веслом. — Разрешите отдать якорь, товарищ капитан?

— Отдать якорь!

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОЛЯНКА

Пока отец лодку привязывал, успела Нинка гуфли сдернуть, платье на зеленый таловый куст кинуть и в чистый горячий песок юркнуть. Снизу тепло, сверху тепло. А вокруг — широта! Воздух вкусный, не надышишься. И хочется чего-то полосатого: не то на голове ходить, не то на березу забраться. Но на голове Нинка ходить не стала и

на березу не полезла. А бухнулась она в Бечевинку — только цветные брызги полетели!

Мелко у берега, а на дне песчинка к песчинке пригнана, как на хорошем полу. Кружится Нинка на мелкоте, воду руками плещет и поет свою новую песенку:

На реке на Бечевинке
У зеленого куста
Поджидает капитанов
Красотища-красота!
На край света мы пойдем,
Все равно ее найдем!

Отцу завидно стало: тоже разделся. Нырнул от берега недалеко, а вынырнул на самой середине Бечевинки. Ай да папка, ай да ныряльщик! Плюхнулась Нинка в воду у самой отмели, руками по дну перебирает — плывет. Хлебнула речной водицы, закашлялась, засмеялась, на песок выскочила — давай валяться! Вся полосатая сделалась — чисто тигренок.

— Папка, плыви сюда!

— Плыву!

Вылез отец из воды — большой, белый, блестящий.

— Ух, хорошо! Сто пудов с плеч.

— Есть хочется, папка, прямо умираю.

— Потерпи, не умирай. Сейчас костер разведем, кашу станем варить. Я, правду сказать, тоже здорово проголодался.

Не одеваясь, забрался он по красной глине на обрыв и пропал.

Зарылась Нинка по шею в белый песок, только розовая шапочка торчит.

Широка река Бечевинка! Голову на землю положишь, так другой берег еле-еле видать. А поднимешь голову — заметно: растут там камыши зеленые. У каждой камышинки наверху бархатная шапочка: или коричневая, или черная. Клонятся камыши под ветром, будто мужики в папахх головами качают, здороваются.

«Красиво! — подумала Нинка и спохватилась: — Может, это и есть та самая красота, про которую папка говорил?»

Огляделась кругом пристально. В реке белые облака плывут, небо в воду опрокинулось. Камыши на ветру качаются. Лес вдали чернеет, строгий такой. Нет, наверное, не самая это красивая красота. Поискать надо, может, еще лучше найдется.

— Нинка! — донеслось с обрыва, — забирайся сюда!

Песок некогда отряхнуть. Вверх, вверх! Вылезла на береговой обрыв, а там поляна. Вся в цветах. У поваленного дерева отец на корточках присел.

— Ты чего нашел, папка?

— Вот, смотри.

Глянула Нинка и обомлела. Прямо под ногами — земляника узором красным. Раньше она

землянику-ягоду только на базаре видела, когда продавали ее тетки стаканами. Так какое сравнение! Здесь, меж зеленых листочков, ягоды крупные, сочные, сами в рот просятся. Положила одну на язык, прикусила — ах! — лучше всякой конфеты. И пошли руки работать, а за ними язык, еле поспекает.

— То-то, — заулыбался отец, довольный. — Язык не лопатка, знает, что сладко!

— Папка? А почему здесь так ягод много?

— Когда-то лес тут стоял. Потом его вырубил. А земляника старые вырубки любит. Тепло ей тут.

— Хорошо, что лес вырубил, правда?

— Хорошо, да не очень. На берегу лес рубить — для Бечевинки вредно. Лес ей помогает воду сохранить.

— Как это он помогает?

— Ручьи от солнца прикрывает, не дает им высохнуть, под корнями деревья влагу удерживают, которая потом в речку под землей просачивается, да и вообще... Ну хватит вопросов, я пошел костер соображать.

Отошел отец, нагнулся, сухой ствол, что на земле лежал, поднял и шарахнул вниз, под обрыв, только треснуло. Это он дрова на костер так собирал.

Ела-ела Нинка землянику, устала, а земляничная полянка и не убывает. Прямо под ногами цветы лесные цветут, бабочки летают, мухи жуж-

жат. Солнце печет земляничные бока, и так сладко пахнут они, что голова кружится, в сон клонит. Села Нинка на пенек, прислонилась к поваленному дереву, на котором от старости и коры уже не было. Напал на нее сон, сладкий, как земляника-ягода. И привиделась во сне девица-красавица между березами белыми. То ли Василиса Прекрасная, то ли Красота самая-самая. Хотела сказать что-то, может, секрет открыть, где ее искать, да не успела. Откуда ни возьмись — бабаяга. В ступе летит, из ступы дым горький столбом валит. На девицу помелом только замахнулась, а Нинке ка-ак даст по ногам!

Вздрогнула Нинка и проснулась. Глядь, на ноге большая муха сидит и кусается. Стукнула ее Нинка — улетела муха-овод. А дымом и взаправду пахло: целый столбище поднимался из-под обрыва, где отец кашу варил.

Нинка к нему спрыгнула.

— Ой, папка, какой я сон видела! И бабу-ягу. и Василису Прекрасную...

— Ну и как они? Здоровы? — спросил папка, щурясь от дыма.

— Здоровы! Привет тебе передавали.

— Спасибо. В следующий раз и ты привет от меня передавай.

Каша перловая на речной воде, на масле подсолнечном — вкуснятина. Целый котелок вычерпали, да еще мало показалось. Разомлела Нинка, покраснелась.

— А знаешь, папка? Очень мне место здешнее нравится!

— Мне самому нравится. А раз так, не остаться ли нам тут ночевать? Палатку поставим, рыбналовим, а время у нас с собой, верно ведь?

— Верно, папка! И как ты всегда угадываешь, чего мне хочется?

ЧУДО-ЮДО

— **П**осмотрю я, кудри русые, какой из тебя рыбак выйдет,— сказал отец, когда за мысок к заводу подъехали и якорь потихоньку опустили.— Только чур с кормы не уходить, удочкой по воде не хлопать, не булькать, не кричать, крючком меня за рубашку не зацеплять. Банку с червями около себя поставь. Все.

Заводь сразу за отмелью в берег врезалась. Вода в ней прямо черная от глубины. Тихо кругом и не жарко, солнышко за камыши идти наладилось.

Достала Нинка червяка из банки. Он крутится, извивается, как змея, даром что маленький. Выскользнул из пальцев и на дно лодки упал.

Вспомнила Нинка, как вместе с Витькой и белобрысым Петькой червяков копали. Ребята их так и хватали, а она сперва дотронуться боялась даже. Потом одного на ладошке подержала. Извивается, ладошку щекочет, и все. Совсем осмелела Нинка, тоже стала из земли червяков таскать.

Тот, что на дно лодки упал, потерялся, нигде нет. Пришлось другого из банки доставать. Папка уже две удочки закинул, закурил и на поплавки уставился, как привязанный, а она все червяка на крючок насаживает.

Заторопилась, размахнулась удочкой и... пошел плеск по реке: со всей силы стукнула Нинка по воде удилищем.

— Эх ты, зиня-разиня! — ругался папка вполголоса. — Так всю рыбу распугаем, кудри русые!

— Я не нарочно, — прошептала Нинка, покраснев, — больше не буду...

Поплавки на вечерней воде, сине-розовой, будто приклеенные. У папки не клюет. У Нинки не клюет. Подождет, да опять не клюет.

— То потухнет, то погаснет, — ворчит папка.

Скоро Нинка на поплавок устала глядеть. К ней комары привязались. Днем ни одного не было, а сейчас со всех сторон летят — такие кусачие! Сядет на щеку, запустит жало, все равно что укол сделает. Одного стукнешь — на его место два тут как тут. Война прямо. Только Нинка развоялась по-настоящему, глядь — поплавка-то на воде и нет, только круги на том месте расходятся.

— Тащи!

Потянула удилище, заходил кто-то под водой взад-вперед. Поднатужилась Нинка. Блеснула на солнце рыбешка с ладошку и прямо в лодку шлепнулась.

— Окунь! — позавидовал отец. — Везет новичкам! Эх-ма, мне бы — полная сума...

Да как схватится за свою удочку, да как дернет! Рыба над Нинкиной головой пролетела и в воду шлепнулась. Отец нахмурился, Нинка со смеху покатилась.

— Ишь ты, какая шустрая! — сердился отец. — Не больно и жалко, не велика и была.

У Нинки поплавок снова дернулся, клюнул. Круги по гладкой воде пошли. Еще дернулся и... нырнул. Потянула она, да куда там! Кто-то удочку из стороны в сторону водит, из рук вырывает.

— Папка! — взвизгнула Нинка.

— Держи, дочка, крепче держи!

Отец мигом к ней перебрался, удилице перехватил, сачок наготове держит. Показалось наверху что-то большое, сверкнуло белым боком, опять в глубину ушло. И так несколько раз, Нинка даже вспотела вся. Подвел отец рыбу к борту, сачок в воду опустил, раз — и в лодку. Забилась, заплясала в сачке рыба, широкая, как лопата.

— Лещ! Ай да рыбачка, кудри русые! Ну, значит, будет у нас сегодня уха.

Леща в ведро с водой сунули. Отец к себе на нос лодки ушел. Загордилась Нинка, на поплавок уж и не смотрит, за ведром наблюдает, где лещ булькается. Лево́й рукой себя то по лбу, то по щеке, то по шее хлоп да хлоп — комаров гоняет.

Отец двух окуней подряд выловил: зеленых, с красными перьями, с желтыми глазами. Увлек-

ся, на дочь — ноль внимания. А ее, может, комары совсем доедают. Где же поплавок? Нет поплавок, опять пропал. Подсекла Нинка. Тяжело, а никто не бьется на крючке, спокойно поднимается...

От визга дочери отец чуть в воду не упал. А Нинка на борт села, ноги поджала, что есть мочи вопит и на дно лодки показывает. Ползает на дне чудо-юдо. Черное, с усами, с толстыми рогами. Кажется две головы у чуда-юда, не разобрала от страха.

Тут отец как расхохочется!

— Ох не могу! Ну, рыболов! Да ведь это же рак! Всего-навсего рак-рачище. Чего же ты перепугалась-то?

— Убери!!! — продолжала вопить Нинка. — Боюсь! Чудо-юдо такое!

Папка со смехом рака взял и тоже в ведро бросил.

РЫБАЦКАЯ УХА

Что скрывать, любила Нинка лениться. Ну не то чтобы совсем лениться, а всякую работу на потом оставлять. Скажет, бывало, мама:

— Помой посуду.

— Ладно, потом.

Заиграется и забудет. Мама вздохнет только, сама принимается мыть.

Вот и сегодня. После обеда, до рыбалки еще, отец в лодке за камышом поехал, чтобы для мяг-

кости под палатку подостлать. А перед отъездом сказал:

— Котелок, ложки, чашки хорошенько вымой, чайник сполосни.

Только он уехал, Нинка совсем некстати про земляничную полянку вспомнила, и захотелось ей посмотреть, много ли там еще земляники осталось. Посмотрела, потом две ягоды съела. Потом на корточки опустилась у большого красного кустика. Потом совсем на землю села. Лакомилась-лакомилась, а земляника чем дальше, тем вкуснее делается. Вдруг, что за новости? На полянке, в десяти шагах от Нинки, — столбиком серый заяц стоит. Уши торчком, передние лапки к груди прижал, косыми глазами на Нинку глядит с удивлением: что, думает, за зверь такой невиданный на земляничной полянке объявился? Долго они друг на друга любовались, не шевелясь. Отец снизу, от реки, закричал:

— Дочка! Иди камыш выгружать!

Заяц как прыгнет! И пошел чесать в лес, только его и видели. А Нинка кубарем с обрыва скатилась и давай отцу про зайца рассказывать.

— Вишь, какой смелый! — улыбнулся отец. — Что ж ты его на ужин не пригласила? Посидели бы у костра, новости заячьи послушали...

— Да ну тебя, папка! Все смеешься только.

Полную лодку нарезал отец длинного, сочного камыша. Перетаскали его на обрыв, на полянке ровным слоем уложили. Настоящая травяная

кровать получилась. Отец две длинные палки вырубил да шесть коротеньких. Дно палатки на камыши растянули, а потом веревочки-растяжки натягивали и к коротеньким палочкам-тычкам привязывали. Длинные палки внутрь поставили, по углам палатки. Получился зеленый терем-теремок с марлевым окошечком. Залезла Нинка внутрь, повалялась. Мягко, тепло.

Сделали все дела, на рыбалку поехали. Про грязную посуду Нинка забыла давно, а папка хоть и не забыл, не сказал ничего. Вечером, когда с рыбой возвращались, пожаловалась Нинка:

— Есть хочется, даже живот болит.

— И мне хочется. Знаешь, как за день веслами намахался. А только придется сегодня голодными спать ложиться.

— Почему?

— Потому, что у нас с тобой посуда не вымыта. А из грязной даже твой знакомый заяц есть постесняется.

Стыдно стало Нинке. Опустила она голову.

— Я, папа, больше ни разу в жизни не забуду, честное слово!

— Ладно, так и быть. Больно леща попробовать охота. А наперед знай — у путешественников всегда все пополам: и радость, и работа, и горе, и кусок хлеба, даже если он последний.

К отмели причалили, когда солнышко на другом берегу за болотом спряталось, а облака, вроде угольков в костре, потухать стали. Нинка мигом

на обрыв слетала, всю посуду вниз принесла, теплой вечерней водой вымыла, белым песком надраила, выполоскала и воды набрала. Пока картошку чистила, отец рыбу потрошил и на куски резал.

— Нинка! А чудо-юдо твое будем варить?

— Нет уж, папочка! Сваришь, так сам и ешь свою уху.

Скоро около палатки костер затрещал, вода в котелке закипела, чайник песенку запел. Приморилась Нинка. У огня прилегла, на угольки смотрит пристально. Дыму от костра почти что и нег, только дрожит горячий прозрачный столбик, тянется к высоким маленьким звездам.

Лещ Нинке попался жирный, наваристый. Дует она в ложку, на отца лукаво поглядывает:

— Правда, папка, хороший мне лещ попался?

— Еще бы! Такого леща сам царь не едал.

— Ага, обловила я тебя!

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Вот завтра посмотрим, кто кого обловит! — отшутился отец.

Костер потрескивает, в воде под обрывом рыба нет-нет да плеснет, на палаткином боку длинные тени пляшут. Крикнул вдруг кто-то в лесу протяжно, как овца.

— Кто это, пап?—тревожно спросила Нинка.

— Птица. Бекас вроде называется.

— Страшно мне что-то стало...

— Страшно? Это оттого, что не знаешь, что

вокруг тебя делается. Вот сидим мы у костра и думаем, что кругом тихо да пусто. А на самом-то деле целый живой мир рядом с нами. В реке рыбы плавают, охотятся. По дну раки ползают. В траве жучки-червячки разные. В лесу на деревьях птицы уснули, нахохлились. Заяц твой под кустом дремлет. Медведь где-нибудь лапой нос от комаров закрывает. Человеку, который природу хорошо знает, нигде не страшно: ни в лесу, ни в степи, ни в пустыне. Все для него понятно, все ясно, а что не ясно, то интересно. Природа — наша мать, ее узнавать надо и любить, а бояться нечего...

ЗАГАДКИ

Отец еще что-то сказать хотел, да увидел, что у Нинки глаза слипаются.

— Терпи, дочка, еще посуду помыть надо. Не годится грязную до утра оставлять.

На полянке, кажется, совсем ночь была, а у воды опять посветлело. За рекой заря небо подсвечивала, а над лесом луна белая поднялась. Маленькая, с колобок. Пролегла по черной воде лунная дорожка, далеко-далеко. «Наверно, — подумала Нинка, — вот по такой дорожке бежал с Луны котенок из сказки...»

— А ну, отгадай загадку: идет лесом — не треснет, идет плесом — не плеснет. Что это такое?

Нинка даже котелок перестала мыть, а загадка никак не отгадывается.

— Скажи, пап?

— Да месяц же! Видишь, как он тихо крадется. Знай себе сияет, на землю любит.

— А теперь ты, папка, отгадай: маленький, удаленький, сквозь землю прошел, красную шапочку нашел.

— Гриб, наверное.

— Правильно.

Костер потушили, в палатку забрались. Одно одеяло под себя постелили, другое сверху — укрыться. Подушки резиновые надули, стали комаров выгонять. Папка фонариком светит, Нинка платком комара к выходу гонит. Всех выгнали, ни одного не осталось. Вход у палатки на петли застегнули, улеглись. И сразу запищал над ними комар противным писком: летает и попискивает, летает и попискивает. Пришлось вставать, комара искать. Даже спать расхотелось.

— Папка, загадай мне еще загадку.

— Два брюшка, четыре рожка.

— Рак.

— Вот и вышел дурак. Ты на чем спишь?

— На подушке.

— У нее четыре рожка?

— Верно! — хлопнула в ладоши Нинка, — и два брюшка: сверху и снизу. Еще, пап...

— Без рук, без ног, а рубашку просит.

— Мороз.

— Морозу рубашка ни к чему. Это, брат, тоже подушка, только с наволочкой. А ну: маленький Ерофейка, подпоясан коротенько, по полу скок-скок, по лавкам скок-скок — и сел в уголок.

— Да, папочка, конечно! Ты мне все такие трудные загадываешь!

— Думай, думай, кудри русые! Ничего тут трудного нет, всего навсего — веник. Давай спи.

— Еще одну, папка! Ну, пожалуйста...

— Ладно, последнюю. У двух матерей по пяти сыновей — что такое?

— Знаю, знаю! Это — пальцы на руках...

СЕНОКОС

Ничего Нинка понять не может спросонья: темно, потолок рядом, рукой достать можно. Вспомнила, что в палатке она, рассмеялась и к выходу на четвереньках поползла. Полог отстегнула, голову высунула, зажмурилась от солнечного сверканья.

Не узнать земляничную полянку: трава в росе, лес, как причесанный, вода в Бечевинке — васьковская.

А синее небо — высоко-высоко!

Дымком пахнет. У костра отец сидит, дует в ложку, прищурив глаз, рукой от костра отмахивается.

Умылась Нинка светлой водой из Бечевинки, спрашивает отца:

— Пап? А в палатке надо прибираться?

— Это уж как тебе совесть подскажет!

— А она, папка, подсказывает: пусть кувыром! Все равно ехать скоро.

Папка даже головой покачал.

После завтрака пожитки свои стали в лодку грузить. Потом Нинка отошла с полянкой попрощаться.

— До свиданья, земляничная полянка!— сказала она потихоньку.— Я теперь тебя всегда помнить буду. Прощай и ты, заяц!

...Тихо катится Бечевинка через леса, через луга. Поворот за поворотом. Излучина за излучиной. Нинка к рулю успела привыкнуть, несколько лодке шалить не дает.

Безлюдно кругом, пустынно. Вон на берегу дерево, вывороченное с корнями. Высоко корни с черной землей вздыбились, если бы рядом встать, даже отцу не достать до верхнего корня. Интересно, кто же такого великана загубил: медведь или ветер? Все-таки, наверно, ветер, потому что медведю тут не справиться.

А солнце жарит, как в Африке. Нинка на нос бумажку от конфеты наклеила, чтобы не обгорел. А папке все нипочем. В одних плавках да беретике сидит, веслами машет, песенку мурлычет. Но вот и он замолчал, притих ее быстрый папка.

— Парит здорово. Как бы грозы не было. И облака, видишь, заходили...

За новым поворотом лес на берегу совсем далеко отодвинулся. Видно стало — на большом лугу люди работают. Один к реке подбежал, воды котелком зачерпнул, пьет. Лодку заметил, руку поднял:

— Эй, сосе-ед! Заве-ерни-и!

— Завернем? — подмигнул Нинке отец.

— Не знаю...

— Значит, завернем.

Лодка мягко в глинистый берег ткнулась, Нинку вперед качнула. Дядька за лодку взялся, потянул — Нинку назад качнуло.

— Слу-ушай, ми-ил челове-ек! — протяжно заговорил дядька. — Вы-ыручи, брат. Помоги-и два стога смета-ать. Пропаде-ет, вишь, сено-то. Залье-ет.

— О чем разговор, кудри русые!

Отец одеваться стал, а дядька кепку снял и рукой по лысине провел: где, думает, у него русые кудри увидели? Нинка рот ладонью прикрыла, засмеялась.

На откос поднялись, а туча — вот она — низкая, черная, лохматая. Сейчас, кажется, заворчит, залает, как собака Пират.

На лугу старушки торопились, сено граблями сгребали, в большие кучи-копны носили.

— Пап, я тоже помогать буду. Можно?

— Мо-ожно, доченька, мо-ожно!— ответил вместо отца лысый дяденька.

— Марья!— позвал он.— Дай-ко помощнице, грабли полегче.

— Ой, матушки, вот так помощница! Да ты, славутница, откуда взялась-то?

— Из города.

— Гли-ко, из города! Дак погрести охота? Вон грабельки-то, бери, вишь у кусточка кинуты? Сенцо-то от кустиков отгребай, да вон к той копешке и носи помаленьку.

Взяла Нинка грабли, стала звонкую траву зубьями зацеплять, да, как бабка Марья, к своим ногам подтаскивать. А жара на лугу совсем невыносимая. Солнце сквозь платье и то прожигает. Оводов, слепней, мух кругом— стадо целое. Вьются, жужжат, на голые ноги садятся, вот-вот укусят. Нагрбла Нинка сена кучку маленькую, к животу прижала, хотела нести, да вовремя глаз на бабу Марью кинула. Та тоже сено нести собралась. Только ноша у нее была раз в сто побольше. Подняла ее бабка на плечо и пошла, как живая копна. Совсем из-за сена не видно бабки Марьи.

Оглядела Нинка луг: со всех сторон к отцу и лысому дяденьке живые копны идут. Там уже целые ряды сена наложены, скоро отца совсем закроют.

Вот и Марья свою ношу сбросила и снова стала не копной, а сухонькой старушкой в белом

платочке. Правой рукой пот вытирает, левой грабли половчее перехватывает.

Тут овод как цапнет Нинку за ногу, чуть не подпрыгнула. Наверно, рассердился на нее, что стоит и не работает. Быстро нагребла она большую охапку сена, подняла ношу на плечо, лицом в колючее сено зарылась. Теперь оводы только вокруг ног вертелись, зато сено жарко пахло, сухие травинки за ворот валялись и к потному телу колюче прилипали. Еле дотащилась Нинка до остожья. Сбросила сено, остановилась посмотреть, как отец работает. Дяденька большие пласты сена на вилах под ноги ему кидал, а отец их поправлял да утапывал. Прямо как живой рос стог, с каждой минутой делался выше, пузатее.

А туча своим рваным чернильным краем к солнцу уже подбиралась. Вот заворчала она глухо и закрыла солнце. Потемнело кругом все, насупилось.

Заторопились старушки, еще быстрее замелькали вилы в руках у лысого дяденьки, еще проворнее заплясал отец на стогу. Пока Нинка, от мух отбиваясь, маленькую поляночку в кустах подгребала, ничего больше не видела. А как сено второй раз понесла — ахнула. Один стог уже готовый стоит. Старушки со всех сторон ближе ко второму придвинулись, граблями быстро-быстро перебирают, кружатся, будто хоровод водят. Правда, это издали так казалось. А когда проходила Нинка мимо бабушки Марьи, заметила,

что она бледная, дышит часто и пот с лица больше не вытирает — некогда. Стыдно стало Нинке, что тихо она работает, бегом побежала к своему месту.

Тем временем туча все небо закрыла и почему-то не страшной сделалась. Только ветер пронесся как хулиган, пораскидывал клочки сена во все стороны. А дождя нет и нет. Уже второй стог готов, и бабушка Марья отдыхать села — нет дождя.

Обошел бригадир вокруг стога, кепкой лысину вытер.

— А ведь пронесе-ет, Сергей Михайлович! Ей-ей пронесе-ет.

— Похоже, — ответил отец, глядя на небо.

— Напуга-ала только, дура си-ивая, — погрозил дяденька туче кулаком.

— У страха глаза велики, — засмеялся отец. — Да вам еще лучше, что поторопились. Не будь тучи — целый день бы копошились, а так, видишь, к обеду управились.

— Оно так, — сказал бригадир. — Да только работ-отницы-то у меня не моло-оденькие. Сегодня налома-ались — ан неде-елю проваляются. Ну, шаба-аш. Пойдем, Михалыч, обе-едать.

Стан у косцов около реки, к кустам притулился. Пока шли, Нинка отца за руку взяла, спросила негромко:

— Пап, а почему тут только старушки работают?

Посмотрел на нее отец сверху вниз озадаченно, нахмурился:

— Молодых на другую работу послали, значит...

«ДИКАРИ»

На закат, по малиновой воде плывет лодка. Такая уж она, Бечевинка, всегда разная: ночью — бархатная, утром — синяя, днем — солнечная, а вечером — малиновая...

Широко видно и слышно кругом. Плюхнул хвостом расшалившийся язь — стеклянными брызгами посыпалась от того места рыба мелочь. В далеке-далеком, у зари прямо под крылом, зачернела нежданно-негаданно избушка. То ли на курьих ножках, то ли нет, отсюда не видно.

— Папка, кто там, в избушке, живет?

— Где? — вскинулся отец, да так неловко, что лодка закачалась, а весло в воду шлепнулось. — Ах, чтоб тебя!

Весло выловил, на скамейку ногами встал, глядел из-под руки долго. Потом спокойно сел на свое место.

— Раньше, когда сенокос подходил, мы в этой избушке жили с твоим дедушкой, бабушкой и тетей Настей. А сейчас там, кажется, «дикари» поселились.

— Людоеды?— глаза у Нинки совсем широко раскрылись, как у кролика.

— Да нет, навряд ли,— усмехнулся отец.— Заедем, посмотрим?

— Я боюсь...

— «Дикарями» в этих краях горожан зовут, которые в отпуск приезжают и на берегу живут. Мы вот с тобой тоже «дикари».

— Ладно,— покраснела Нинка.— Поехали.

Взмахнул отец веслами, прогнулись они от розовой воды, быстро понеслась лодка. Скоро завиднелся около избушки костер, а у костра два черных голых человека. Сидели они у ведра и ложками из него черпали. Один ложку ко рту поднес, да так и застыл, лодку увидел. Второй «дикарь» тоже оглянулся и навстречу пошел.

— Эй, дядя! Правее возьми! Сетку заде-нешь!

Лодка ход сбавила, отец улыбаться перестал. Левым веслом воду взбурлил, ткнулась лодка в берег у ног стройного загорелого «дикаря» в желтых плавках. Стоит «дикарь»: руки за спиной, ноги расставлены, нахально на Нинку поглядывает. Лодку помочь вытащить и не подумал даже.

— На ночлег принимаете?— спросил отец, выбираясь на берег.

— Река не наша, берег общий. Рыбу пугать не будете — оставайтесь.

На берегу Нинка сначала домик обошла. Без

окон, без дверей, вроде сеновала. Стены черные, прокопченные. Потом к костру подобралась и остолбенела: в ведре-то у «дикарей» чуда-юда вареные! Красные и с длинными-предлинными усами. «Дикари» их руками берут и едят с солью.

— Да у вас, братцы, царский ужин!— с усмешкой сказал отец.

— Садитесь с нами,— неохотно подвинулись «дикари».

— Спасибо, не любитель. Как отдыхается?

«Дикарь», который лениво жевал, развалившись на подстилке, ответил:

— Живем, хлеб жуем, на будущий заколачиваем.

— Как это, «заколачиваете»?

— А вон, гляди у стены.

Нинка с отцом к стене домика подошла. Большие плетеные корзины стояли там — целых три. Во всех доверху, да еще с горюшкой,— вяленая рыба.

— Куда вам столько?— спросил отец чужим голосом.

— Город рыбку любит!— рассмеялся «дикарь», который лодку встречал.— У пивного ларька три вяленых ельца — пара целкашей. Не прогадаем, батя, а?

«Дикари» расхохотались, а отец еще больше насупился.

— А как же другие?— сказал он.— Сынам-то своим что оставите?

— Брось, старик! Да тут рыбы этой — воз и две телеги. Сто лет не выловишь.

Заспорили они, а Нинка опять за домик ушла. У задней стены перышки серенькие лежали, много-много. Перышки разрыла, а там крыло птичье, красивое-прекрасивое. Схватила Нинка крыло — и к отцу.

— Папка, смотри, чего я нашла!

Подскочил к ней маленький «дикарь», крыло из рук вырвал:

— Не шныряй, где не положено! И вообще, ночевать ночуйте, а в чужие дела нос не суйте. Понял?

— Да как тут не понять,— ответил отец жестко.— Хорошо, дочка, что не распаковались. Поехали дальше.

— Во-во, шуруйте, землячки. Что делать, не сошлись характерами!

Когда избушка за поворотом скрылась, отец прямо в лодке Нинке постель устроил.

— Ты спи,— сказал он, укрывая Нинку палаткой,— а я еще подъеду. Хочется завтра на озере быть, а путь не близкий.

— Зачем им столько рыбы, папка?

— Спекулянты... Мы еще потолкуем с ними. Должен тут ко мне один человек приехать.

— Какой человек?

— Хороший человек. Спи.

Только разве заснешь, если звездочки ранние, как цыплята маленькие, на небо выбежали, а за кормой котенком мурлычет речная вода? «Вот интересно,— думает Нинка,— зачем на свете бывают спекулянты? Людей обманывают, чтобы для себя больше денег получить. Дать бы одному спекулянту сразу большую пачку денег и посмотреть, что он делать будет. Наверно, спрячет ее в сундук и опять пойдет людей обманывать. Потому что они совсем-совсем не такие, как все. У них в голове, наверно, наоборот все устроено...»

«НАПРАВО ПОЙДЕШЬ...»

Проснулась Нинка и долго гадала, отчего грустил ее быстрый и веселый папка. Может, оттого, что с «дикарями» поссорился? Или потому, что почернел от загара, как негр? Она села в лодке, протерла глаза пальцами и сказала:

— У тебя, папка, все черно личное.

— Что-что?— не понял отец.

— Ой, фу ты! Все лицо черное!

— Личное, значит?— устало рассмеялся отец.— А у самой-то? Ну-ка, погляди в воду на свое «черно»!

Посмотрела Нинка: в воде смуглая растрепанная девчонка с синими глазами улыбается — прямо рот до ушей. Показала ей язык и ладошкой по воде шлепнула.

— Вот сказала ты этот перевертыш, мне сразу игра наша детская вспомнилась.

— Какая?

— Вот, например,— «синяя вода». Надо сказать наоборот.

— Как?

— А ты подумай.

— Не знаю...

— «Синяя вода» — значит, наоборот будет «водяная синь».

— Поняла, поняла! — захлопала в ладони Нинка. — Как сказать — «чистое небо»?

— Небесная чистота.

— Правильно! А скажи наоборот «полезная красота»?

— Красивая польза.

— Красивая польза... — повторила Нинка и задумалась, — а разве некрасивая польза бывает?

— Еще как бывает! Вот «дикари», видела, сколько рыбы наловили? Для них это — польза?

— Польза.

— А реке и всем остальным людям — вред, потому что они сетями ловят мелкую рыбу, из которой потом выросли бы большие окуни, лещи, судаки. Значит, не больно красивая у них польза, верно?

Позавтракали на ходу, прямо в лодке. Сидели на скамейке и ели хлеб с мясом, а берега все уносило назад: лесные и луговые, болотные и

песчаные. Росли в воде у берегов желтые кувшинки и белые лилии, нависли над омутами разлапистые черемухи, бегали у кромки воды длинноногие кулички. Звенят берега от песен птичьих...

Нинке с кормы все раньше отца видно. Острова на реке она тоже заметила первая. Встали два острова прямо у них на пути. Высокие, зеленые, ивами кудрявыми заросшие. Река перед ними вроде задумалась, а потом на три реки разделилась: одна между островами потекла, другая между правым берегом и большим островом, третья — между левым берегом и тем островом, что поменьше. Почесал отец в затылке, поднялся, качнув лодку, гадал, куда лучше ехать.

— Положение у нас с тобой, как в сказке: налево пойдешь — лодку потеряешь, прямо пойдешь — голову потеряешь, направо пойдешь...

— Красоту найдешь!

— Не знаю, не знаю... Ну, будь по-твоему. Лево руля!

Сдвинула Нинка руль влево, и пошел корабль в правую протоку, самую красивую, самую удивительную...

НЕЗНАКОМЫЙ ЗНАКОМЕЦ

— Почему это, папка, река под гору уходит? Там водопад?

— Какой водопад? — не понял отец.

— Смотри — дальше реки нету, одно небо.

Правое весло в воде так крутнулось, что пена поднялась. Лодка сразу носом к берегу повернулась. И верно. Видна река только до густых камышей, а за ними простор небесный, синий. Отец засмеялся довольно:

— Приехали, кудри русые! Озеро.

Без единой морщинки до самого горизонта лежало перед ними озеро Дружинное. А там, где озеро и небо сливались в туманном мареве, прямо из воды поднималась, млея под солнцем белая церковь. Высоко в безоблачном небе, как озеро, синем, плыл маленький самолетик. Плыл-плыл — и утонул в вышине.

Тихо было, как во сне, пока не прилетела к лодке разноцветная стрекоза. Пожужжала, пошелестела, на край лодки уселась, слюдяными крылышками заиграла, запередергивала.

Нинка с отцом не шевелились, глаз от озера оторвать не могли. Плавно, незаметно почти, несло лодку течение. Назад ушли неподвижные камыши, только голубизна осталась вверху и внизу, да слепящая солнечная дорога половиком по воде раскатилась.

— Вот и приехали,— задумчиво повторил отец и встрепенулся.— Давай-ка место искать, палатку ставить. Вон в устье речки на берегу пятачок желтеет.

— Какой пятачок?— удивилась Нинка.

— Ясно, что не из кошелька. Пляжик песоч-

ный маленький река там намыла. Такие пляжики редко на травяных берегах попадают, их рыбаки пятачками и называют. А для нас там самое подходящее место: сухо, загорать можно, купаться, дрова рядом, палатку удобно ставить.

— Ладно! — согласилась Нинка. — Поедем на пятачок.

Песку на берегу, конечно, кот заплакал. Если лодку вытащить да двоим около нее лечь — весь пятачок закрыть можно. Зато повыше еще сухой травяной бугорок был. По краям его ивы да ольхи росли, вроде занавесок зеленых. Сунулась Нинка за занавеску в одну сторону — болото. В другую сторону полезла и ахнула. Просвечивало озеро сквозь густую листву, а под ногами, одна к одной плотно, желтые высохшие камышинки лежали и под ногами приятно похрупывали.

— Иди сюда, папка!

Заглянул к ней отец, обрадовался:

— Вот и подстилка под палатку! Не больно мягко, да зато сухо.

— Откуда их здесь столько?

— Со всего озера в бурю сюда прибывает камыш. Вишь, каким ковром укладывает!

Большую охапку звенящих камышей ухватил папка, потянул. Только не поддаются они, переплелись все.

Дернул отец, что было силы, не удержался: бух на спину! Камыши на него сверху упали,

всего засыпали. Нинка хохочет, заливается, отец ворчит понарошку:

— Ишь, рассыпается как горох, нет чтобы отцу помочь.

Пока устраивались, много времени прошло. Все вроде бы сделали как надо: палатку натянули, лодку разгрузили, костер развели, вот уже и каша доваривается. Солнышко, меж тем, прямо на колокольню озерной церкви село, на покой наладилось. Полюбовалась на закат Нинка и спрашивает:

— Как ты думаешь, папка? Самая это та красота или не самая?

— Трудно сказать. А сама как думаешь?— прищурился отец.

— Вот и я не знаю... Когда в лодке сидели, думала, что та. А, может, еще лучше есть? Плохо все-таки, что мы маму с собой не взяли. Она бы сразу сказала. Да и скучно что-то без нее стало...

— Думаешь, мне не скучно? Только ведь сама знаешь, что не дали маме отпуск вместе с нами.

Тут треск пошел по болоту и хлюпанье. Будто черный мужик в длинных сапогах топал напрямую, не оглядываясь. Все ближе да ближе к костру: хлюп, треск, хлюп, трах!

Вскочила Нинка, побелела от страха. Отец встревожился, дубинку из припасенных дров

потолще выбрал, захватил крепко правой рукой. Хлюп, трах, хлюп, треск...

Замерли шаги. У самой воды, в камышах, забулькало, засопело громко. Отец Нинке знак подал: не шевелись!

На цыпочках к лодке подкрался, на сиденье неслышно встал, за камыши заглянул. Нинка ни жива, ни мертва у палатки стоит: кто же это на их маленький лагерь напал в самом глухом краю озерном?

Оглянулся отец, улыбается, Нинку пальцем поманил. Подбежала к лодке, ухватил ее отец и на плечо посадил. Видит Нинка: за камышами диковинный зверь — рога большие, ветвистые, серые, нос горбатый, губы в воду опустил, пьет.

— Лось! Лось! — взвизгнула Нинка, узнала.

А лось как прыгнет! Только камыши зашумели, да треск по болоту прошел.

ДРУЖИНА — ЧЕЛОВЕК ВОЛЬНЫЙ

Первый день на озере беспокойный получился. Пока лося разглядывали — на костре каша подгорела. Совсем дымом пропахла каша, а есть надо, ничего не поделаешь, потому что и солнышко уже в воду краешек замочило, и комары кругом запели, закружились. Ночь на носу, некогда вторую кашу варить.

Все комары как комары: летают, пищат, а за-

зеваясь, так и укусят безо всякой жалости. Только один гудит тонко и сильно, по-особенному, а сам нигде не показывается, боится, должно быть. Может, главный комар среди комаров, царь комариный? Прислушалась Нинка, все вокруг глазами обвела: гудит, а не видно.

— Где это, папка, такой большой комар летает и гудит?

Отец голову набок наклонил, послушал тоже.

— Этот комар еще не скоро мимо нас пролетит.

— Почему?

— Потому что это совсем не комар, а на всех парах идет с озера моторка. Подойди к воде, может, увидишь.

Бросила Нинка ложку, выскочила на песчаный пяточок. От того места, где заря занялась, бежала по воде черная точка. Быстро бежала. Скоро заметно стало лодку моторку и большую волну, что следом за ней летела.

— Кто к нам едет, пап?

— Едет, наверно, тот самый хороший человек, о котором я тебе утром говорил.

С ревом, с шумом примчалась лодка в устье реки, круто повернула и на песок рядом с ними выпрыгнула. Дяденька в плаще брезентовом с капюшоном откидным два шага шагнул и у костра очутился. Был он высокий, плотный, лицо небритое, красное. Нинка даже струхнула немного.

— Как живете, ночлежники?

— Живем не тужим, живали и хуже,— пошутил отец.

— Куда уж хуже — у озера вечером кашей заправляться. А где уха?

— Уха из петуха — не уха, а рыбы не наловили.

— Дело поправимое, Сергей Михайлович!

Достал дяденька из своей лодки окуня да большую щуку.

— Давайте-ка рыбацкий ужин ладить. Ночь длинная, успеете выспаться.

И понеслось: Нинка картошку чистит, отец котелок моет, дяденька рыбу потрошит. Полчаса не прошло, закипела уха.

Хороший человек, о котором отец говорил, инспектором оказался. Ловил он рыбных да лесных воров, и звали его дядя Петя. Сразу он Нинке понравился, хоть с виду и сердитый был. Осмелела она после ухи, спрашивает:

— Дядя Петя, а почему наше озеро Дружинным называется?

— Кто знает, дочка. Старики раньше так сказывали: давным-давно, а когда, никто и не помнит, жили на этом берегу люди вольные, сами себе хозяева. Землю пахали, скотину пасли, рыбу ловили да рыжики солили. Их никто не трогал, да и они никого не задевали, разве что вечером ребята на кулачках подерутся.

Прослышал про такую вольницу князь один, осердился.

— Каки таки вольны люди! В моих краях спокон веку вольных людей слыхом не слыхано, видом не видано. Всех в полон возьму, заставлю дань платить, на коленках ползать!

Собрал князь войско великое да с той стороны к озеру и подошел. С нашей-то стороны ему, вишь, неспособно идти было: крюк больно велик да и топи страшные. Ладно. Встало войско на том берегу, нашего-то берега и в глаза не видать. Посылает, стало быть, князь лазутчиков, а понынешнему — разведку. И в один конец озера посылает, и в другой.

День проходит, два проходит — нет лазутчиков. На третьи сутки пришел один с левой стороны. Грязнехонек, в тине весь.

— Так и так, говорит, великий князь-батюшка: с левой стороны трясина непроходимые, болотины дикие. Все мои товарищи утопли, один я вылез на сухой берег.

Рассердился князь, что проходу не нашли, и белел отрубить лазутчику голову.

Четвертый-то день как пошел, с правой стороны лазутчик объявился. Ободранный, царапин на нем — видимо-невидимо. Рожа от комарья опухла. Шапку потерял, бредет, шатается.

— Нет,— говорит,— князь-батюшка, дороги к вольным мужикам. Лес по берегу дремучий, царапистый, валежины выше головы. Звери лесные встречного и поперечного поедом едят. Всех товарищей моих приели, один я убежал.

Этого лазутчика князь то же самое сказнил, а сам пригорюнился. Ни с одной стороны, выходит, озеро обойти нельзя.

— А оно и сейчас не обходимое?— спросила Нинка.

— И сейчас,— улыбнулся дядя Петя, прикуривая от уголька.— Ну вот. Откуда ни возьмись, ко князю — адъютант с донесением.

— Князь-батюшка, по морю-озеру человек плывет и от нашего берега рукой подать.

Вышел князь из шатра на берег. Верно, плывет на худой лодчонке человек, веслом машет.

— Сюда, такой-сякой!— заорал тут князь во всю мочь.— Приставай к берегу, а то стрелами расстреляем, камнями закидаем!

Делать нечего, пристал. Приводят его ко князю.

Дядя Петя снова нагнулся за угольком, а Нинка, словно зачарованная, оглянулась вокруг. Внимательно слушал сказку отец, у костра полулежа. Притихли, потяжелели в сумерках ближние кусты, над устьем поплыл редкий парной туман. За дальним лесом светлело, поднималась луна.

— Да, приводят его, значит, ко князю.

— Кто ты есть?

— Вольный мужик Дружина,— отвечает человек.

— Говори, мужик Дружина, как нам на тот берег попасть и вольных мужиков в полон взять?

Призадумался тут Дружина не на шутку. И смекнул.

— Озеро это, князь, не простое,— говорит,— а волшебное. Ежели твое войско топоры на тот берег перекинет, сразу вся вода в землю уйдет. Только кидать всем враз надо, за один мах.

— Где это видано, мужик Дружина,— удивился князь,— чтобы через эдакую прорву топор перекинуть? Ни у кого из моего войска такой силы нет.

Отвечает Дружина спокойно:

— Худое, видно, у тебя войско. А мы дак за- всегда эдак. Кинем топоры и пойдем посуху. Еще и рыбки по дороге насобираем.

Приказал князь все войско на берегу выстроить и в один мах топоры за озеро кинуть. Размахнулись вояки княжеские — только брызги от топоров полетели. И до середины никто докинуть не мог. Остались с луками да стрелами — вот и все оружие.

Догадался князь, что обманул его мужик Дружина.

— Вот,— говорит,— тебе последнее мое слово. Я войско на плоты посажу, а ты нам дорогу через озеро укажешь. Не укажешь — утоплю, как собаку.

— Ладно,— Дружина говорит.

Долго ли, скоро ли — навязали плотов. Без топоров-то оно не больно способно: корявые да кособокие плоты получились, одно слово, на жи-

вую нитку. Ехать бы надо, а Дружина все на небо поглядывает.

— Чего ждешь?— спрашивает князь.— А жить надоело?

А сам ножик из кармана вытаскивает.

— Нельзя, князь, сегодня ехать. Вишь, солнышко в чистое небо закатывается. Туман будет, пропадет твое войско.

Послушался князь.

— Отставить, — говорит, — переправу!

На другой день к вечеру ветерок заподувал и солнце в тучи зашло.

— Ну как? — спрашивает князь.

— Можно ехать, погода подходящая.

Сели, отчалили. На плоту — не на моторке, намашешься палками. А ветерок все ярит да ярит. Раскачалось озеро, пошла волна крутая да зыбистая. Затрещали плоты и давай рассыпаться по бревнышку. Все войско утонуло, и князь вместе с ним.

— А Дружина?— нетерпеливо спросила Нинка.

— И Дружина утонул, дочка. Где же человеку супротив такой волны выстоять. Он-то знал, что буря будет, не зря дожидался, когда солнышко в тучу сядет. Вот и погиб, зато волю вольную для мужиков спас. А мужики озеро Дружинным назвали. Конечно, может, и не так дело было, кто его знает?

— Нет, так! Так!— воскликнула Нинка, вско-

чила, глазами засверкала и ногой даже топнула.— Я знаю, что так!

— Видно, так,— согласился дядя Петя, ласково на Нинку поглядывая, потом к отцу повернулся.

— Не желаешь, Михайлович, на зорьке со мной прокатиться? И рыбки половишь заодно в озере.

У отца глаза так и разгорелись, рот до ушей расплылся: доволен.

— С удовольствием бы! Так удочку в озеро закинуть хочется! Да вот с ней-то как быть?

— Ну, дочка у тебя умница. Проспит и не заметит, как вернешься. Никто тут ее не тронет. Бывает, что лоси набегают водички попить, так они — смиренные. Никто не тронет!

Отец прямо с мольбой на Нинку взглянул:

— Отпустишь?

Страшно Нинке одной оставаться. «А Дружина-то как же?— подумала она.— Ему ведь небось пострашнее было!»

— Ладно. Поезжай, папка. Только ты поскорее возвращайся, все-таки...

ПОДВОДНЫЙ ЛОСЬ

Вылезла Нинка утром из палатки: что такое? Солнышка нету, небо серое — вроде плакать собралось. Вода в реке, что асфальт после дождя:

черная и лоснится. Не поймешь, утро сейчас, день или все еще вечер. За камышами только кусочек озера виден, а дальше туман. Одинокое стало Нинке, а папки нет и не известно, когда вернется. А вдруг совсем не вернется? Недаром дядя Петя вчера рассказывал, что в тумане сразу заблудишься, пропадешь.

Всхлипнула Нинка. Слезы из синих глаз часто-часто закапали. И так захотелось вдруг домой, к маме, прямо мочи нет. Прижаться бы сейчас к ней, обнять покрепче, и весь страх сразу потерялся бы. Только далеко мама, за тридевять земель. Нет, никто ей сегодня не поможет, на себя надеяться надо...

Подошла она к костру, заглянула под одеяло, которое папка около костра забыл. От дождя оно уже намокло совсем. Зато под одеялом чайник еще теплый оказался, картошка вареная и щука, на угольках испеченная. Выходит, не просто забыл одеяло отец,— о дочери думал. Потщила Нинка свои находки в палатку. Под щукой белело что-то. Оказалось, записка:

«Нина, я скоро вернусь. Не скучай. Поешь и можешь ловить рыбу с лодки, только с берега ее не стаскивай. Папа».

Повеселела Нинка. Из-за чего плакала, дурочка? Разве может ее папка пропасть? Да ни за что, ни за какие коврижки!

Умылась теплой речной водой, на птичьих следы полюбовалась. Будто лапки свои оставили

птицы на память в мокром песке. Причесалась, поела на скорую руку. Потом в лодку села, удочку размотала, червяка на крючок—бульк в воду!

Поплавок сразу нырнул, только его и видели. Потянула Нинка, а на крючке ерш-ершович, колючая спинка. Все пальцы о него исколола. Закинула удочку снова. Тут капнула на воду большая капля и сразу из-под нее пузырь выскочил: важный такой, с Нинкин кулак. За ним второй, третий и запрыгали пузыри сразу по всей реке: дождь припустил. Еле успела до палатки добежать.

Улеглась она в палатке и стала думать. Хорошо дождь слушать, если он над самой головой по палатке молоточками постукивает, а добраться до тебя не может. Думала Нинка вот о чем: как они с отцом домой вернутся и с мамой встретятся. Как живая мама перед глазами, и рассказывает ей Нинка про все свои приключения. Только вот как рассказать про озеро? Ну сказку дяди-петину само собой, а про красоту-то здешнюю как же? Разве песенку придумать?

Песенка такая вышла:

По палатке дождь стучит,
Наше озеро молчит.
Длинное-предлинное
Озеро Дружинное,
Гладкое-прегладкое
Дышит за палаткою.
В нем не видно берегов,
Нет дороги для врагов.

Пропела она песенку негромко, но голос такой тихий и дрожащий был, что опять взгрустнула. Да и не было в песенке той красоты, которую сама видела. Не подойдет. Другую песенку надо для мамы, хорошую.

Изменилось что-то в мире. С минуту прислушивалась Нинка, потом поняла: не стучат больше молоточки по палатке. Выглянула: все кругом блестит. Песок мокрый блестит. Листья на ивах сырых сверкают. Лодка влажным боком отсвечивает. Вода в реке от солнца лучится. Только тяжелое одеяло возле костра свернулось темным лохматым комом.

А лучи солнечные все смелее да ярче. Везде забралась: в каждую травинку, в каждую песчинку, заиграли, запереливались цветными огнями.

Засмеялась Нинка, головой потрянула, как кошка Дунька. Вприпрыжку к лодке: ершей ловить. Глядь-поглядь — удочки нету. И на лодке нет, и в лодке нет, и в воде около лодки видом не видано, слыхом не слыхано. Не могло же ее дождем смыть — у борта лежала, на скамейке. Ну и чудеса!

«Наверно, пока я в палатке была, лось приходил, — подумала Нинка. — Только зачем же он удочку взял? Все равно рыбу ловить не умеет. Как он червяка-то на крючок насадит: копытом. что ли?»

Растерялась она. А в это самое время, близко

совсем мотор застучал. Из-за зеленых камышей влетела в устье знакомая моторка. Отец мокрый весь, с ног до головы, а счастливый. Дядя Петя тоже улыбается — хорошо, видать, порыбачили.

— Как дела?— спросил отец, выскочив на берег.— Не забоялась без меня?

— Не...— протянула Нинка.— Только у меня лось удочку унес.

— Вот те на!— даже дядя Петя удивился, а отец прямо рот раскрыл.— Ты сама видела, что лось?

— Сама я не видела. Я в палатке была. Только куда же удочка подевалась? Вы сами сказали, что, кроме лосей, здесь никого не бывает.

Отец в свою лодку перелез, на корму встал и в обе стороны, вверх и вниз по течению посмотрел внимательно.

— Попробуем поймать твоего лося, чтобы впредь ему неповадно было чужие удочки таскать. Садись в дяди Пети лодку.

— Углядел, однако?— спросил дядя Петя.

— Вон, вверх по течению, метров за тридцать.

— Где, папка, где?

— Сейчас увидишь, подъедем.

Забралась Нинка в моторку. Рывкнул мотор под ухом прямо, рванулась лодка, в один мах к Нинкиной удочке подлетела. Потянул отец — леска прямо к берегу уходит и там зацепилась за что-то. Подъехали к берегу. Отец разделся, леску

в руку взял — бух в воду! Долго не показывался, только пузыри шли да муть со дна поднималась. Вынырнул, а в руках у него тяжелая рыбина бьется. Кинул ее в лодку. Сам в грязи весь, смеется:

— Получай своего лося, кудри русые!

И поплыл на середину реки в чистой воде мыться.

Вот лось так лось! Чуть не с Нинкину руку, широкий и толстый, прыгал на дне лодки окунь, и чешуя на нем от старости была, как медные копейки...

«Я НЕЧАЯННО...»

С обеда дядя Петя собираться стал.

— Бензину кот наплакал. Поеду домой, Михайлыч. Вот ведь беда какая: три дня ухлопал, а так и не нашел.

— А что вы ищете, дядя Петя?— спросила Нинка.

— Да вишь, дочка, постреливает кто-то на озере из ружья. То ли по лося, то ли по уткам. А палить летом на озере строго-настрого запрещено. Утки теперь с выводками, с маленькими утятами плавают. А лося и вовсе бить нельзя, закон его охраняет. Вот и разыскиваю я этого стрелка-хулигана, да никак найти не могу.

— Ой, дядя Петя! Мы когда с папой у «дика-

рей» были, я у них за избушкой большую кучу перьев нашла. И крылышки там есть. Помнишь, папка, еще один у меня крыло выхватил?

— Было такое дело.

— Мне, дочка, отец твой про все это рассказывал. Проверим. Может, и вправду они.

— Они, больше некому, — подтвердил отец.

— Ну, дочка, до свиданья! В то лето приезжай, на лодке по озеру покатаю. Приедешь?

— Приеду, дядя Петя! Обязательно! — ответила Нинка, прижимая руки к груди.

Затрещала, унеслась моторка, плеснув водой на голые Нинкины ноги. Постояли, помолчали, глядя вслед.

— Что, рыбачить поедем?

— Давай поедем.

Небо от туч расчистилось, весело стало на реке. За камышами по озеру синяя рябь побежала. А рыба клевала — только закидывать успевай. Тут все и стряслось, а как, Нинка даже сообразить не успела.

Подсекла Нинка рыбу. Плотичка у самого борта возьми да и сорвись. Хотела ее на лету рукой подхватить, дернулась — и шлеп в воду. Рыбка, само собой, уплыла, а Нинка пошла ко дну как топор. Глаза раскрыла, вверх смотрит. Там, у самого солнца где-то, прозрачные пузыри по воде плавают. Забила Нинка руками и ногами и совсем нечаянно наверх вынырнула. Лодка от нее уж отъехала, и папка в ней веслом махал от-

чаянно. Вода в рот и в нос набралась, стала Нинка кашлять да чихать и не помнит больше ничего. Только в лодке очухалась.

Отец над ней наклонился бледный весь, перепуганный. А как увидел, что глаза открыла, сразу ругаться стал.

— Что это такое!— говорит,— не забывай, что в лодке сидишь, а не на диване! Никуда больше не возьму!

— Я нечаянно, папочка...

— Утонуть можно так нечаянно! Воды хватит! Ладно, все. Айда сушиться.

На берегу отец первым делом костер распустил большущий, раздеться Нинку заставил и у огня греться. А чего греться, если и так от солнышка жарко? Потом чай пили с лимоном. Отец лимон в чай не клал, просто так сосал и не морщился.

— Как тебе не кисло?

— Нисколько не кисло. Наверно, в организме у меня кислоты не хватает.

Нинка вздохнула.

— А у меня знаешь чего в организме не хватает?

— Чего?

— Конфетки...

— Конфетки, кудри русые, ты все уже слопала. Так что терпи до дома. А сейчас марш в палатку под одеяло. И лежи, пока не поправишься.

— Да ты, папуля, что? Никакая я не боль-

ная. Попробуй-ка сам, полежи в палатке в такой духотище! Ишь, чего выдумал.

— Все равно скоро спать ложиться. И никакой духотищи нет, палатка давно в тени. Так что топай и не разговаривай.

Пришлось топать. Ничего, приедем домой, все маме расскажу. Узнаешь тогда, как над человеком издеваться. Думает, если он взрослый, так и командовать может несправедливо!

Ворочалась-ворочалась Нинка с боку на бок в палатке, а уснуть не может. Да еще комары набились и кусаются, вредины. Стала их выгонять — из палатки нечаянно выглянула. Может, и не совсем нечаянно, но так уж получилось, что выглянула.

Хитрый, папочка! Дочку спать уложил, а сам в лодке у другого берега сидит, покуривает да рыбку таскает. Таскай, таскай! Все равно такого окуня, как у меня, не поймаешь. Завидно стало, вот и уехал. Рассмеялась Нинка и застегнула палатку.

ПАПКИНА ПОЛЬЗА

— **С**егодня у нас работа, — сказал отец. — Будем вялить рыбу.

— И я!

— И ты, конечно. Я чистить, ты — мыть.

Ловко папка рыбу пластал, где только и научился. Нинка еле подхватывать успевает да в

речке полоскать. Оглянуться не успели — целая гора рыбы лежит на клеенке. Пересыпали рыбу солью, к дереву в затененное место жилку привязали, а на нее свою добычу повесили. Большая связка получилась, даже ветка у ольхи согнулась.

— Ну вот, папка, и нашел ты свою пользу.

— Где же, по-твоему, моя польза?

— Видишь, сколько рыбы наловили!

— Какая же это польза? Это не польза, а одно развлечение. Настоящая польза — для всех людей польза. А что нашли мы ее, верно говоришь.

— Где же она?

— Везде! — рассмеялся отец. — И спереди, и сзади, и по бокам. Нет для людей ничего полезнее, чем природа. Леса, реки, озера, солнце, воздух — никто на земле без них прожить не может.

— Ну... — протянула Нинка. — Так не интересно. Зачем же ее искать было? Солнце, воздух... Они ведь и в городе есть!

— Что ты говоришь! Разве есть в городе такое яркое солнце, такое синее небо, такой прозрачный воздух, такая чистая вода? Разве ходят там к твоему дому на водопой лоси? Разве поют там птицы? А тишина?

Нинка задумалась.

— По-твоему получается, что люди сами своей пользы не понимают, если в городах живут?

— А что? Многие и не понимают. Одни всю

жизнь в городе живут, ни разу в палатке не ночевали. Думаешь, они понимают пользу природы? Если и понимают, так в уме только. Но эти хоть безвредные. А есть такие, которым вообще на природу, на зверей, на птиц, на рыб наплевать. Если и ездят они на охоту или на рыбалку, так для того, чтобы хапнуть побольше. И получается от этого общей людской пользе большой вред.

— Знаю,— ответила Нинка.— Это такие, как «дикари».

— Верно. Только если пораздумать, так они уже не в шутку дикари, а дикари самые настоящие. Представь себе, что все люди сразу, дружно природу губить начали. Погибнет природа, а без нее и сами люди погибнут.

Крепко задумалась Нинка.

— Значит, ты свою пользу уже нашел,— вздохнула она.— А я никак не найду свою красоту...

— Помнишь, что тебе бабушка Марья на сенокосе говорила?

— Помню. Встань, говорит, пораньше, с солнышком вместе, да и погляди кругом. Только чего же тут смотреть? Песок да палатка, ольха да болото, камыши да река...

— Не мало. Главное не то, куда смотришь, а то, что увидишь.

Отец еще со второй связкой рыбы возился, а Нинка горсть песку зачерпнула, начала руки мыть. И услышала: в камышах, рядом совсем, кто-то попискивает: пик-пик-пик... Жалобно так. Перебралась она через густые заросли на камышовый желтый ковер, волнами к берегу прибывший, присела на корточки. Сперва тихо было, потом опять: пик-пик-пик... И тут Нинка увидела: прячутся от нее за толстыми камышовыми стеблями, что из воды вверх тянутся, маленькие коричневые комочки. Да как прячутся! Сунут головы за камышинки, а сами все на виду. Один Нинке больше всех приглянулся: пушистый, крошечный рыжик, как коричневая пробка на воде держится. Прятались-прятались, потом один пискнул как-то по-особенному и поплыл вдоль берега. А за ним гуськом-караваном шесть пушистых комочков с маленькими желтыми клювиками.

— Утя-утя-утя!— позвала Нинка.

Только лапками быстрее заперевирали.

— Тю-тю-тю!

И внимания не обращают.

— Кис-кис-кис-кис!

Уплыли, спрятались в зеленом камышовом лесу.

— Папка, иди сюда скорее! Тут птенчики маленькие плавают! Малюсенькие-малюсенькие,

пушистенские-пушистенские! Плавают и пищат, плавают и пищат...

— Ну-ка покажи!

— Вон за те зеленые камышинки уплыли! Вон один! Видишь?

— Вижу,— нахмурился отец.— Теперь ясно, кого тот стрелок убил. Мать у них убил, бессостная рожа. Пропадут теперь утята, как пить дать.

— Правда?— у Нинки даже голос сорвался и на глазах слезы навернулись.

— Может, и не пропадут,— быстро взглянув на нее, ответил отец.

А под вечер совсем диво дивное случилось. Только что поужинали, да чай пить у костерка расположились, как весь утиный караван пристал к песчаному пятачку. Самый храбрый утенок на берег вылез и пошагал к костру прямо, на крошечных лапках переваливаясь. За ним другие шесть братцев. Нинка даже застыла от удивления. Встал отец, взял переднего храбреца в руки, подышал на головку. Присмирел утенок, присел в ладонях, глаза зажмурил. Может, подумал, что к матушке-утке под крыло попал.

Остальные такой писк подняли! Бегают вокруг отца, того и гляди в огонь заскочат. Тогда и Нинка одного утеночка в руки взяла, на головку подышала.

— Папка, они же голодные! Давай покормим!

— Чем? Вишь, какие крохи. Ни хлеб, ни картошку есть не будут. Разве только в блюдечко крошек натереть мелко и водой залить. Давай попробуем?

Быстро приготовили утиную кашу, но есть ее утята не стали. Может, не понравилась, а может, и есть еще не умели. Больно маленькие. Снова один из них запищал и пошел через траву к речке. За ним и остальные, как солдаты за командиром. Глядь, опять в воде плещутся около зеленых и крепких камышинок.

Печально глядел на них отец и повернулся, услышав, как всхлипнула Нинка:

— Пропадут утятки...

Молча погладил он дочку по голове, потому что и сам не знал, как такой беде помочь можно. И странно: сразу обоим вспомнилась мама, и оба они подумали, что мама, пожалуй, посоветовала бы, как спасти беспомощных утяток...

К ОСТРОВУ

До самого края укрылось озеро темно-синими бугорками, а в бугорках солнце сверкало, в каждом. Тысячи маленьких огоньков перед глазами вспыхивали.

— Рябь,— сказал отец.

Только какая же это рябь? Если бы рябь, так все волны на курочку рябу были бы похожи.

А они совсем не похожи: синие и внутри у каждой — солнышко.

Остров от берега маленьким казался, как на голубом блюде копейка, на которую маленькая белая башенка поставлена. Долго плыли, а берег вроде все еще рядом. Только крошечная башенка подросла, будто на цыпочки привсталала. Покачивается лодка чуть-чуть, убаюкивает.

— Расскажи-ка мне сказку, пап?

— Какую? Ты сказок больше моего знаешь.

— Ну не сказку. Очень я люблю, когда ты про жизнь рассказываешь. Про просто жизнь.

— Хочешь расскажу, как я тонул?

— Хочу!

— Помнишь, недалеко от дома тети Настии остров на Бечевинке?

— Помню, помню! Там еще Машка потерялась.

— Вот-вот. Катался я раз на коньках около самого того места. Дело на Октябрьскую было, только-только река ледком затянулась. У берега лед поплотнее, потолще, держит хорошо, а к середине ближе — одна пленочка, видимость, а не лед. И что мне в голову взбрело через реку переехать — не знаю. Разогнался от берега — на коньках я, правда, хорошо ездил — да на середину. Лед подо мной сперва прогнулся, потом трещинками мелкими пошел, а ход мой затих совсем, разгону не хватило. Похолодело все внутри, ноги как деревянные сделались, и сам не пойму, во

сне ли я, наяву ли? Проломился лед, только хрустнуло...

Да. Не сообразил бы вовремя, не плавали бы мы сегодня с тобой по Дружинному, кудри русые.

За лед уцепился, течение вниз тащит, в валенках вода, пальто — пять пудов весом. Думаю, к берегу пробиваться — силы не хватит. А знал, что по самой середине реки от острова отмель идет песчаная, и должна она быть где-то рядом.

Отец весла в воду опустил, на островную церковь через плечо покосился, закурил.

— Понял я, что пробиваться во что бы то ни стало к отмели надо. Лед подо мной гнется да ломается, а я рвусь к самой середине реки...

Он взялся за весла и довольно улыбнулся:

— Мужики потом рассказывали: «Мы и рот раскрыли. Парнишка под лед провалился, а плывет от берега прочь. То ли с ума спятил от страха, то ли и раньше не умен был».

Я сколько-то рывков сделал, вижу: песок подо льдом желтеет. Встал на ноги, выбрался на самое мелкое место и давай орать благим матом. Народ и без моего крика на берегу суетится: кто веревки тащит, кто доски, лодчонку какую-то на лед столкнули, а я все ору, вроде паровоза, и остановиться никак не могу. Не помню, как и вытащили...

Оба они молчали, на озеро глядя. Оно не бугрилось уже, а лениво и мягко пологие зеленоватые волны мимо лодки прокатывало. Тонкими

струйками вода с весел бежала, когда отец их из воды поднимал и назад заносил.

Нинка в зеленую воду уставилась и плечи приподняла: холодно, наверно, там, в глубине, и жутко. Ходят по дну огромные зубастые щуки, высматривают себе добычу...

— А хорошо, папка, что ты тогда сразу догадался, куда плыть нужно!

Вскинул на нее глаза отец, улыбнулся, ничего не ответил.

...Совсем затерялась лодка в зеленом просторе озерном. И берег теперь далеко, и остров. Небо высоко, дно глубоко. Такой слабенькой, такой игрушечной показалась вдруг себе Нинка, что страшно ей стало и неловко. Страшно не так, как тогда, в деревне, когда Пират на нее залаял. Нет, другой страх на Нинку напал: большой и длинный. Не спасешься от него никаким визгом. Не сжалится озеро, не испугается, а незаметно проглотит их лодку и так же лениво покатит дальше пологие свои зеленые волны...

Притихла Нинка, присмирела, к корме прижалась. Выходит, не только польза от этой самой природы, а еще и страх, а может, и гибель.

Вот и отец чуть было не утонул в детстве. А если бы утонул? Он вон какой большой да сильный. И не было бы, значит, его? Совсем не было бы?

Лоб у отца высокий, кудрявые колечки волос на него упали и всякий раз, когда весла в воду

опускал, вздрагивали. Нос небольшой, курносый. Подбородок с какой-то детской ямочкой. Зато руки какие! Так и перекатываются мускулы под загорелой кожей! Два часа на веслах сидит, а чтобы устал — не похоже.

— Пап! Скажи правду: тебе сейчас не страшно?

Отец глаза поднял, серые, добрые.

— Как же не страшно? Глянь, какая прорва воды вокруг. Поднимется ветер — только щепки от нашей лодочки полетят. Только, знаешь? Если бы человек всегда своего страха слушался да ему бы подчинялся, ничего хорошего у него бы не вышло. И лошадь бы он не приручил — страшно. И огонь бы не добыл: а вдруг сгоришь? И на самолет ни за что не сел бы: упасть можно!

— И в космос бы не полетел...

— И в космос. Конечно, природа бывает страшной. Ураганы там, землетрясения, вулканы извергаются, штормы на море корабли разбивают, пурга людей заметает... Но разве природа виновата? Она же не понимает, что делает, а человек понимать обязан. Понимать и не бояться, не кланяться своему страху. Жизнь вперед идет только от смелых людей. Смелый — он всегда победит. Пусть погибнет, но и гибелью своей победит.

— Как Дружина?

— Да. Как Дружина.

Все шире остров становился, все росла, все поднималась старая церковь. Теперь не белая

она была вовсе, а рыжая, в пятнах и красные кирпичи местами проглядывали. Стекол не осталось в проемах узких, над куполом ржавым длинный и острый шпиль упирался в небо.

КАК ЖИВЫЕ

Берег с острова яснее виделся, чем остров с берега. Узкой зеленой лентой змеился он за синей далью. Теперь не угадать было, где притаился маленький их пятачок с палаткой и утятами, хотя Нинка и вглядывалась пристально.

Пока отец веревку к бревну, обточенному волнами, привязывал, Нинка к черной дыре в стене церкви подошла. Когда-то здесь были двери: торчали в пазах куски дерева трухлявого, красный кирпич мелко крошился: земля около входа покраснела от крошек.

С ясного солнышка, с белого песка окунулась Нинка в подземелье темное. Сыро здесь оказалось и мрачно. Только ветер где-то высоко вверху над колокольной летал и вздохи его внизу отдавались глухо. Поморгала Нинка длинными ресницами: повиднее стало. Будто свет кто-то через узкие оконца помаленьку наливал. Стены темные обозначились. И вдруг...

С одной стены пристально и сердито глядел на Нинку бородатый живой мужик. Взвизгнула она что есть мочи, метнулась к выходу, а вослед

завизжало, заскрежетало, заулюлюкало великаньими голосами. Запнулась Нинка у входа и кубарем отцу под ноги выкатилась.

— Что с тобой?!— испугался отец, подхватывая ее на руки.

— Там, там...— бормотала Нинка, а сама тряслась, как в лихорадке.

— Ну что там? Чего ты напугалась?

— Там дядька! С бородой...

— Стой здесь. Сейчас узнаю, что еще за борода такая объявилась.

Через минуту в церкви что-то захохотало гулко. Нинка так и присела.

— Папка!— пискнула она.

Отец появился в проходе, щурясь от солнца и смеясь.

— Эх ты, «дядька с бородой»! Это же роспись на стене. Пошли посмотреть.

— Не пойду.

— Почему?

Нинка молчала, свои загорелые исцарапанные ноги разглядывала.

— Почему же?— недоумевал отец.

— Да... А зачем у него глаза такие!

— Какие?

— Живые, вот какие! Голову повернул, да на меня как поглядит, поглядит!

— Да нет! Это показалось тебе. А знаешь, почему показалось? Потому что настоящий мас-

тер рисовал, который в красоте и правде толк знал. Ну идем.

Нинка, держась за отцовскую руку, робко двинулась к проему. Потом снова остановилась.

— Папка?— шепотом спросила она.— А кто там кричал и хохотал так громко?

— Как кто? Кричала ты со страху, а хохотал я со смеху. Стены тут высокие, вот звук и отскакивает от них. Вроде эха, понимаешь?

Снова вошли они в сумрачную церковь. Теперь Нинка осмелела: отец был рядом, но все-таки руки его не выпускала, так, на всякий случай. Присмотрелась она к черному старику, удивилась. Не сердитые, оказывается, глаза у него были, а добрые. Вроде бы даже улыбался старик. Нинка на него рассердилась немного и язык показала украдкой.

— Пап, это — бог?

— Бог.

— А его с натуры рисовали?

— С натуры.

— Значит, бог есть?

— Нету. А мастера старинные вместо непонятного бога часто рисовали знакомого человека. Потому он у них такой живой и вышел.

— Если бога нет, зачем же на такой далекий остров кирпичи возили и такую большую церковь здесь строили?

— Так ведь люди раньше не знали, что бога нет. Видишь ли, вот мы дорогой о страхе говори-

ли. Не все люди свой страх побеждать умели. А те, у кого страх перед природой был большой, а разобраться в ней и знаний и желаний было мало, придумали бога. Потом и многие люди в бога поверили, потому что уж больно для них природа непонятна и таинственна была. Вот и решили, что где-то есть такое таинственное существо, которое все может, все видит и все знает. А раз от него нигде не скроешься, так надо же ему показать, как люди его любят: даже на такой далекий остров для него кирпичи возят и лучшие мастера громадную церковь строят да расписывают. Надеялись, увидит это бог и сразу же людям жизнь полегче сделает. Только бог ничего не увидел, потому что и не было вовсе никакого бога. Пришлось людям самим хорошую жизнь для себя устраивать. А церкви и картины остались. Да это и хорошо: теперь мы ими любимся, мастерами старыми восхищаемся. Чего-чего, а работать они умели и красоту понимали отменно... Вон, глянь-ка вверх!

Вверху, под куполом — светло. Ясно видно, как летят куда-то в облаках большие крылатые люди. Сразу вспомнился Нинке балкон в своем доме на пятом этаже и то, как она в уме летала над городом. А вот эти не в уме, эти на самом деле летят, большие крылатые люди.

Еще на одну стену отец показал, где женщина с ребенком нарисована. Лицо у женщины длинное, узкое, глаза круглые и печальные. Да-

же жалко ее. Горе, наверное, большое у этой теньки.

— Устала?— спросил отец.— Сходи, искупайся, я еще здесь побуду.

— Пап, а почему они все, как живые, а не как нарисованные?

— Так в этом же и красота!

— Самая-самая?

— Не знаю,— задумчиво ответил отец.— Говорят, что красота — это как жизнь. Всегда знакомая и всегда новая... Ну, беги!

Не спеша пошла Нинка вокруг церкви. Битые кирпичи под ногами валялись, крапива кустиками зеленела. Впереди зачернело что-то. Подошла, наклонилась — кусок железа. Ухватила, потянула. Со скрежетом, с натугой вылезла железка из кирпичей. Нинка ахнула. Перед ней лежал заржавленный старинный топор. Такие топоры по телевизору показывали: ручка длинная, лезвие, как у секиры, закругленное, обушок маленький.

«Правду говорил дядя Петя!— затрепыхалось сердце у Нинки.— Никакая это не сказка про Дружину, вольного человека, а самая взаимноправдошная правда. Такие вот топоры княжеские солдаты в озеро бросали, а самый сильный до острова добросил. Берег-то, на котором войско стояло, вон, совсем рядом, не то что наш!»

Так думала Нинка, на коленках стоя, а сама ржавчину с топора куском кирпича отчищала.

Около обушка железо поблѣскивать стало и буквы какие-то обозначились.

— Вот ты где! А я тебя по всему острову ищу.

— Я топор нашла из княжеского войска!

Отец находку Нинкину взял, кирпичом потер быстро, сильно.

— Нет, кудри русые, не из княжеского войска этот топор, хотя и очень старый. Вот смотри цифры: 1877. Сто лет этому топору. Наверное, еще монахи дрова рубили. Только никаких князей в то время на Дружинном озере уже не было.

— Неправда, папочка!— от досады у Нинки даже глаза слезами налились.— Я в кино видела, как около царя стражники стояли. Топоры у них вот точно-точно такие! Может, это самого князя топор. Я его домой увезу, в школу отдам, в наш музей!

— Полно расстраиваться! Увезем твой топор, не велика тяжесть.

...Ветерок к вечеру утих. Разгладило озеро свои волны-морщинки, тихое да ясное стало.

— Пора,— сказал отец и стал отвязывать лодку.

ПАНИКАХА

— **З**наешь, что я думаю, папка?— спросила Нинка, на горячую зарю за островом глядя.— Наверное, не бывает на свете одной красоты, са-

мой-самой. Наверно, разная она везде и очень ее везде много...

...Отец остановился, пот со лба ладонью смахнул и задумался.

— А что? — сказал он, — пожалуй, твоя правда. Красота — она везде. Вся природа красива, и любой ее уголок красив по-своему. Вот и получается, что вся красота — в природе.

— Так ведь и польза — в природе? Как же так выходит: они одинаковые, что ли?

— Не совсем. Это две стороны природы, и очень тесно они между собою переплелись.

— А если не природа? А если человек, например, или дом?

— Так ведь и человека природа создала. Значит, он сам — частичка природы. И когда он что-то строит — всегда у природы учится. Правда, есть у человека и особая красота, какой не бывает в природе.

— А какая?

— Думаю я, что это — умение человека о себе забывать, когда другим людям трудно. Жить, работать, а иногда и драться, чтобы всем остальным становилось лучше. Бывает, что человек с виду совсем не красивый, и фамилия у него не изящная, а в трудную минуту такую красоту души покажет, что запомнят его люди навсегда, ну как Дружину, например. Или вот: понравилась бы тебе, если бы фамилия у тебя была не Щеглова, а скажем, Паникаха?

— Да уж ты, папка, скажешь тоже! Паникаха! Да меня бы с такой фамилией мальчишки в школе совсем задразнили!

— А хочешь, я тебе историю расскажу про этого человека?

— Хочу.

— Дело в войну было. Отступала тогда наша армия. Хоть и храбро бились красные солдаты, да пересиливала их фашистская сила. От самолетов немецких небо темнело, от танков с крестами земля дрожала. Дым, огонь и грохот стоял над нашими окопами день и ночь.

В такое-то грозное время встал на пути у врага в одном месте небольшой взвод, в котором служил простой солдат Михаил Паникаха. Был у этого взвода строгий приказ: назад — ни шагу. Вырыли солдаты окопы, пристроили на брустверах свои пулеметы да винтовки. Сунулась было на них вражья пехота. Куда там! Как ударили разом из пулеметов, как начали стрелять из винтовок — бросились фашисты кто куда.

Доложили немецкому полковнику: так и так, невозможно позицию взять.

— Что за «невозможно»? — рассердился полковник. — Нет в немецкой армии такого слова — «невозможно»! Послать туда сто самолетов, разгромить русские окопы из ста дальнобойных пушек!

Черной тучей налетели фашистские самолеты. Стали бомбы швырять, а дальнобойные орудия

еще снарядов подбавляют. Перемешалось все: и земля, и небо, и черный дым. Бойцов наших громом оглушает, дышать нечем, осколки дождем сыплются, и многие упали убитые.

Наконец стихло все. Опять фашисты в атаку пошли. А бойцы, что живые остались, подползли к пулеметам, подняли винтовки и ну поливать свинцом вражью силу!

Не многие из врагов уцелели, а кто уцелел, без задних ног убежали.

Еще больше рассердился немецкий полковник. Велит он послать на смельчаков сто танков. Двинулись танки: по земле железный гул поднялся. Выглянул из окопа Михаил Паникаха — оторопел. Ползут по полю стальные чудища, видимо-невидимо. У танков броня крепкая, пуля ее не пробьет, а пушек у бойцов и вовсе не было. Да и бойцов осталось — раз-два и обчелся.

Поглядел с тоской Паникаха на милую землю позади себя. Овражек там уютный да безопасный, а за овражком — лес спасительный. И так захотелось ему в тот лес убежать, от неминуемой смерти спастись, даже в груди заныло. Жить хочется, а смерть подступает все ближе и ближе.

«Убегу я сейчас, — подумал Михаил Паникаха, — другой убежит, третий. Кто же останется защищать родную нашу русскую землю? Или в рабство ее фашистам отдать, да потом перед ними на коленях ползать? Не бывать же тому!»

И крикнул Паникаха оставшимся в живых:
— Ребята! Ни шагу назад! Смерть немецким оккупантам!

Приготовили бойцы бутылки с горючей смесью. Смесь такая была, что даже в воде загоралась жарким огнем, а если на броню попадала — горела броня.

Все ближе танки подходят, все страшнее палят из пушек и пулеметов. Вот первое чудище к окопу подползло. Размахнулся Паникаха, швырнул бутылку, сразу весь танк пламенем охватило. А следом за ним другой напирает, к самому окопу подходит. Взял Михаил Паникаха вторую бутылку. В это самое время ударила в нее злая пуля и вылилась горючая смесь на Михаила. Вспыхнул боец Паникаха, как факел.

— Так не пройдешь же и ты, фашистская сволочь!— крикнул огненный солдат и бросился всем телом на танк. Вспыхнула броня от горящего тела Паникахи, черный дым застлал глаза фашистам...

Увидели немецкие танкисты этот неслыханный подвиг, страшно им стало, повернули свои машины обратно. Докладывают полковнику:

— Нет у нас силы, чтобы победить народ, у которого такие богатыри воюют.

Закричал полковник, затопал ногами, а самого тоже до самых пяток страх пробирает. Понял он: нет, не победить такой народ, который до того

свою землю любит, что даже собственным телом горящим поджигает врага. Так-то, кудри русые...

...Молчала Нинка. Молчало озеро. Небо молчало, на землю любуясь.

— А знаешь, папка? Очень хорошая, это выходит, фамилия — Паникаха.

НЕСЧАСТЬЕ

Знала бы Нинка, что случится на следующий день, даже спать не легла бы. Так бы и сидела всю ночь на песчаном пяточке возле лодки, чтобы не вздумал папка вставать ни свет ни заря, да ехать на рыбалку. Но ничего она не знала, потому и спала крепким сном. Проснулась от деревянного стука. Натянула кофточку, босоножки. Зевая, из палатки вылезла. Отец воду банкой из лодки вычерпывал, в речку булькал, улыбался довольно.

— Доброе утро, папа!

— Здравствуй, соня! Смотри, какую я щуку выловил, когда ты спала.

И выбросил на берег щуку, да такую, что если бы Нинка рядом с нею легла, так хвост у щуки был бы дальше, чем Нинкины пятки.

Присела Нинка на корточки, пальцем по желтым пятнышкам на щучьих боках водит. Как подпрыгнет щука! Ойкнула Нинка. Папка на помощь рванулся, хотел из лодки выскочить, да

задела за что-то нога. Упал в воду рядом с песчаным пяточком, крикнул нехорошо. Нинке уже не до шуки: отца за руку схватила, тащит, а у него лицо белое и зубы сцепил от боли. Кое-как выкарабкался он на песок, застонал.

— Папка!— прошептала Нинка, скривив губы.

Улыбнулся ей отец.

— Ничего, не бойся. С ногой что-то у меня. Посмотри, крови нет?

Нинка брючину на ноге завернула. Вспухла нога, синеть стала, а не было крови. Хотел отец встать, да не мог. К костру подполз, пить попросил. Вода ему по подбородку на грудь текла — не вытер.

Перепугалась Нинка. Смотрит на отца круглыми синими глазами, молчит. И отец молчит. И река молчит, и берег. Только озеро шуршит в камышах щекотно.

— Что делать будем, дочь?

— Не знаю...

— Рыбаки не ездят в эту сторону: дорога дальняя. Дядя Петя через неделю обещался, не раньше. Придется... ох! Придется нам плыть в деревню самим... До развилки бы только добраться. Помнишь, где домик у «дикарей»? Там всегда люди бывают, помогут. Ты вот что, соберай-ка потихоньку все в лодку...

Как вещи собирать, Нинка еще с земляничной полянки запомнила. Всю одежду в одеяло

сложила и узлом крест-накрест одеяло завязала. Из палатки колышки вытащила. Рухнула палатка на землю, как большой зеленый плащ сделалась. И сразу пусто стало на пятачке, как в нежилой избе. Стала веревочки-растяжки от колышков отвязывать, а слезы на руки кап-кап...

Отец полулежал, к одеялу прислонившись, советовал, что как делать. Уложила палатку, в лодку перенесла. Хотела посуду в корзину складывать, да отец остановил.

— Подожди. Надо на дорогу хоть уху сварить, а то без еды долго не протянем.

Вдвоем с отцом несколько кусков от щуки отрезали. Развела костер Нинка, повесила на таганки чайник и котелок. Села картошку чистить и руку с ножом на колени опустила.

— Пап! А как ты в лодку сядешь?

— Ничего, заберемся как-нибудь. Я другого боюсь. С веслами тебе не управиться. Может, здесь останемся, людей будем ждать?

— А нога? Нogu-то лечить надо! Нет, папка, давай поедem. Я управлюсь! Я теперь, знаешь, какая сильная!

— Знаю, знаю...

Покормила Нинка отца, чаем напоила. Велел он ей палки, что в палатке стояли, принести. Ножом их обрезал, примерил: каждая до колена не достает. Одеяло, которое похуже, попросил и на длинные лоскуты расстриг.

— Теперь, дочка, лечить меня будешь. Сни-

ми-ка ботинок с больной ноги. Ох! Осторожнее. Фу... Так. Приложи обе палки к ноге. С той и с другой стороны. А сейчас полосками от одеяла замотай ногу вместе с палками, да поплотнее.

— Зачем? Больно ведь будет, папка!

— Ничего, потерплю.

Долго возилась Нинка. Молчал отец. Только бледнел иногда от боли да чуть слышно зубами скрипел.

Зато Нинку всю трясло: жалко было отца и жутко на солнечном пустынном пяточке. Отдохнул отец после перевязки, огляделся: все ли Нинка в лодку снесла.

— Рыбу-то вяленую оставила, кудри русые!— пошутил он с серьезными глазами.—И похвастать дома нечем будет.

Убрала Нинка рыбу. В лодку камышей натаскала, палаткой сверху застелила: постель для отца устроила. Под голову рюкзак положила, одеяло вытащила—укрыться. И заплакала, в лодке сидя.

— Что же ты, дочка?— упрекнул отец.— Плакать сейчас не время. Дома поплачем.

— Никуда мы не уедем!— всхлипнула Нинка.— Мне ведь даже лодку с берега не столкнуть...

— Столкнем. Я в корме буду — нос приподыметя. Столкнем.

Пополз отец к лодке, Нинка на помощь бросилась, рукой махнул — не надо!

— Возьми шест, попробуй корму ближе к берегу подплавить.

Схватилась она за шест, воткнула в песчаное дно, навалилась всем телом — подалась лодка. Еще раз! Еще раз!

Отец за борт руками взялся. Нинка его за рубашку потянула. Лег он на борт грудью, рванулся изо всех сил, в лодку перекатился. Головой о скамейку ударился, Нинку с ног сбил. Так и сидела она на камышах, глядела, расширив глаза на неподвижного, такого беспомощного сейчас отца...

Наконец застонал он, пошевелился, глаза открыл. И — откуда силы брались! — подмигнул:

— Держись, капитан!

ДЕРЖИСЬ, КАПИТАН!

Лежал отец на камышах, палаткой застланных. Ноги под одеялом, голова на рюкзаке, глаза закрыты. Солнце высоко забралось, к полудню правилось, а они все от берега не оттолкнулись. Болела душа у Нинки.

— Пап, — шепотом позвала она.

Отец глаза открыл.

— Сядь на весла, Нина. Ничего, что не оттолкнулись, сядь.

Нинка на скамейке устроилась, в руки толстые рукоятки весел взяла, еле обхватила.

— Попробуй весла назад закинуть. Как буд-то гребешь.

Нажала она на рукоятки вниз — приподнялись весла чуть-чуть. Стала рукоятки вперед толкать — ушли лопатки весел назад, задели за песок.

— Да...

Опять отец веки прикрыл ненадолго.

— Занеси теперь весла в лодку. Нажми вниз на ручки и занеси.

Нинка сразу на обе ручки нажала, даже от земли не оторвались весла. Тогда за одно весло двумя руками взялась, ручку на себя потянула, легло весло на борт. И второе так же.

— Помоги мне сесть.

За борт держась, пробралась к отцу Нинка.

— Я привстану, а ты рюкзак под спину подложи.

Приподнялся отец со стоном, к рюкзаку спиной прислонился.

— Теперь дай шест, а сама веслом от берега отталкивайся.

Весло тяжелое еле-еле с уключины сняла, уперлась в песок. Отец шест в воду опустил, приготовился.

— Раз-два, взяли!

Трудно, со скрипом сползла лодка, закачалась в воде. Весло у Нинки чуть-чуть из рук не вырвалось — вот бы беда! Села она на скамейку, изогнулась вся, вставила весло в уключину.

— Не торопись,— сказал отец, морщась от боли.— Я тебе, где можно, шестом помогу.

Нинка занесла одно весло назад, в воду окунула, потянула. Повернулся нос лодки сперва вдоль реки, потом к середине.

Отец шестом в воде крутнул, выправилась лодка.

— Теперь оба весла в руки бери. В воду глубоко не опускай, всю силу сразу не выкладывай. Потихоньку. Тише едешь — дальше будешь...

Так Нинка и сделала. Весла совсем немного назад занесла, в воду неглубоко опустила и потянула. Совсем незаметно продвинулась лодка. Еще раз. Еще раз. Поплыл назад песчаный пятак, на котором еще утром палатка стояла. Тихо тихо ушел мимо разлапистый ивовый куст. С полчаса Нинка гребла старательно, и лодка до первой излучины-поворота добралась. Отец шестом помогал, не давал лодке вертеться, в береговые камыши залезать.

Горячо стало в груди у Нинки, плечи заломило, на ладонях белые водяные мозоли вздулись.

— Отдохни, дочка.

Опустила она весла в воду, отдышалась, а лодку, меж тем, потихоньку назад, к озеру несло.

— Эх, беда!— крикнул отец с натугой.— Придется тебе усаживать меня за весла. Сможешь ли больную ногу на весу подержать — чтобы вернуться мне?

— Не надо, пап! Я еще могу! Погребу еще!

— Пока силы есть, надо подальше от озера отъехать. Попробуй.

Осторожно приподняла Нинка замотанную папкину ногу. Повернулся он, охнул.

— Клади ее на борт.

Еще немного повернулся.

Теперь отец лицом к корме сидел, бледный, потный.

— Пододвинь сюда рюкзак, Нина. Подними на него ногу. Так. Сейчас на скамейку приподнимем.

Нинка в самый нос лодки пробралась, под мышки отца подхватила. Поднатужился он, опираясь на здоровую ногу, сел.

Лодка ходуном ходила. По светлой воде маленькие волны одна за другой к камышам бежали. А когда Нинка к рулю перебралась, река их из-за поворота вынесла. И опять озеро да песчаный пяточок неподалеку показались.

Отдышался отец, за весла взялся. Только греб он теперь не так, как раньше. Медленно весла назад заносил, гребок делал, будто прислушивался к чему-то и работал одними руками только. И все молчал, зубы стиснув. Двигалась лодка вперед против течения, тихо, да двигалась.

«Отчего это,— думала Нинка,— когда сюда плыли, берега зелеными да приветливыми казались?»

Сейчас видела она только камыши редкие на болотистой пойме, недобрую равнодушную реку

да усталое солнце, печально к закату идущее. Комары загудели зловеще: не ждите пощады, слабые люди! И солнце еще не село, а вроде потемнело, насупилось все.

— Присматривай место, дочка. Отдохнуть надо,— хрипло сказал отец.

Знакомый омут с развесистой черемухой показался, и берег повыше стал.

— Поворачиваю, пап?

— Давай.

Тихо к берегу пристали. Выскочила Нинка из лодки, привязала ее веревкой к старому пню.

— Давай вылезать, папка.

— Нет, брат, мне сегодня в лодке спать придется. А ты костерок разожги, чайку согрей. Только дров натаскай побольше, тогда у костра не замерзнешь всю ночь.

— Я с тобой, папка!

— Делай, как я говорю, кудри русые! Если оба заболеем — совсем пропадем.

Сглотнула Нинка слезы, полезла в лодку отцу постель приготовить. Стала ему помогать ложиться — совсем испугалась: рука у него была горячая, как зола у костра. Посмотрел отец на Нинку, на лицо ее, за один день похудевшее, улыбнулся невесело.

— Ничего, капитан. Наша возьмет.

Много на берегу мусора, полой водой забытого. От дерева кору сырую — в сторону. Не горит. Сухие палки в кучу: для костра пригодятся. А вот бревно целое, и от лодки не так далеко. Здесь и стала Нинка костер разводить. Сложила шатром палки большие, а внутрь — маленькие да посуше. На самый низ веточки, совсем крошечные. Все точно так сделала, как отец учил. Чиркнула спичку, поднесла. По веточкам синие огоньки побежали. Вспыхнул костер, красными языками замахал, тепло принес. Повесила Нинка чайник, ждет, на реку поглядывает. Бродят полоски туманные, к лодке подбираются, к большому отцу. Холодно ему там и сыро. Перетащить бы к костру, да силенок не хватит. Вздохнула Нинка, маму вспомнила и пожаловалась ей мысленно:

— Видишь ли, мамочка, знаешь ли, как трудно приходится твоей любимой маленькой дочке! Ничего ты не видишь, ничего не знаешь, а то бы прилетела сюда, как на крыльях, чтобы спасти от беды нас с папкой...

Слезы глаза стали застилать: жалко Нинке себя и папку. Огляделась она по сторонам, будто помощи ждала. И вздрогнула.

Точно помнила Нинка: когда причаливали, лес далеко был. А сейчас — вот он, совсем рядом, черной тенью стоит за костром. И чем больше

темнеет, тем лес ближе подступает. Тишина кругом, ни шелеста, ни голоса, даже рыба не плещется. Один костер потрескивает, как родной, утешает. Чайник крышкой захлопал. Чай Нинка заварила покрепче, в кружку налила, сахар размешала — и к отцу.

Покачнулась лодка. Чай — в воду, еле кружку удержала. Слезы от досады брызнули, пошла снова к костру. На второй раз с опаской полезла: сперва кружку в лодку поставила, а потом и сама забралась. Отец без движения лежал, дышал шумно.

— Папа! Папа!

— А? Что? Ты зачем здесь?

— Выпей чаю.

— Не подниматься мне, дочка. Разломало всего...

— Я с ложечки тебя напою.

И стала Нинка поить отца с ложечки, как маленького.

— Хватит. Спасибо. Ты к костру иди. Здесь замерзнешь...

— А ты?

— Мне тепло.

Прикрыла его Нинка палаткой поплотнее, на берег к костру выбралась. Чаю кружку выпила без ничего, у костра прилегла, стала глядеть на звезды.

«Завтра папка грести не сможет, — подумала она, — придется мне. — Поднесла к лицу ноющие

ладони. Кровавые мозоли от весел.— Ох, трудно будет!»

Ухнул кто-то в лесу и захохотал гулко. Дрогнуло пламя в костре, как от испуга. Прогорели палки, на землю большими красными карандашами свалились. Темно стало, только бревно тлеет. Вскочила Нинка, прислушалась. Чудится ей: ходит кто-то вокруг костра, ближе и ближе. Где лодка — не разобрать. Задрожала Нинка, ощупью к черемухе пробралась. Нос лодки высунулся из тумана, черный, скользкий. Ухватилась за него дрожащими руками, чуть в воду не сорвалась.

В лодке около отца тихонько села, ноги под палатку сунула. Нос в свитер уткнула, чтобы меньше дрожало, и замерла.

Снится Нинке сон. Будто приехала она домой. Мама к ней поворачивается, спрашивает:

— А папка где?

— Умер папка!— отвечает Нинка и плачет.

Бросилась к ней мама, обхватила холодными руками, и посыпались на Нинкин лоб крупные ледяные слезы...

Тут она и проснулась. На голове, на лице, на палатке — большие знобкие капли, что сорвались с черемуховых веток. Вокруг туман белый. Отец неподвижный рядом. Безмолвно и пусто в ночи.

«Рассветет — поеду, — решает Нинка. — Только бы папку живым довести».

Длится и длится ночь. Руки окоченели, лицо как чужое стало. Надо бы хоть работой согреться, да нельзя. Плыть — не видно куда, на берег выходить, костер разжигать — страшно. В лодке вещи перекаладывать — отца потревожишь.

«Хоть бы рыбаки проехали! Пусть рыбаки проедут, ну пусть!»

Еще раз или два задремывала она. Заметила: изменилось что-то вокруг. Наверху вроде бы посветлело, и берег сквозь тьму прорезывается.

Наклонилась Нинка к отцу, а он весь горит и шепчет непонятное что-то...

«Нельзя больше ждать!» — в отчаянии думает Нинка.

Дотянулась она до рюкзака, из кармашка нож папкин вытащила. На нос лодки перебралась, шест к себе подтянула и ножом веревку перерезать стала, потому что руками ни за что бы не отвязать было. Крепкая веревка попалась, неподатливая. Пришлось ее пилить лезвием, как пилой. Вот и последнее волокно перепилено, уползла веревка за борт, шлепнулась в воду. Нинка за шест взялась, чтобы от берега оттолкнуться. И — замерла.

Далеко-далеко где-то, может, около домика гудела моторка. Погудела-погудела, смолкла. Опустилась Нинка на скамейку, кулаками по коленкам стукнула. И как только не догадаются там, что на реке, у черемухи, люди пропадают!

«Крикнуть, что ли? Может, услышат?» Пол-

ную грудь воздуха набрала Нинка и завизжала так, как никогда в жизни не визжала.

Отец вскинулся, на локте приподнялся.

— Ты что?

— Моторка...— сказала Ни́нка.— Моторка гудела. Думала, услышат.

— Давай-ка еще раз, вместе.

Крикнули вместе. Только ближнее эхо отозвалось и смолкло в тумане. Поникла головой Нинка, отец на рюкзак откинулся снова. А небо уже совсем побелело. Начинаясь рассвет.

ВСТРЕЧА

Чем светлее небо становилось, тем больше холод донимал. Не выдержала Нинка, снова взялась за шест. Только в воду его опустила — опять затарахтела моторка, загудела ровно и вроде бы к их стоянке приближалась. Ни жива ни мертва Нинка, только руки и ноги от холода дрожат. Все яснее, все звонче поет мотор. А вот и лодка в клочьях тумана показалась.

Вскочила Нинка на скамейку, руками замала:

— Стойте! Сюда!!!

Сбавил мотор обороты. Широкий круг оплеснула моторка, к Нинке подошла. На корме в своем плаще брезентовом старом дядя Петя сидел.

Самым родным человеком на свете показался он в эту минуту Нинке!

— Чего тут у вас? Али беда какая?

— Беда! — разрыдалась Нинка. — Папка заболел...

— Михайлыч! — вскинулся дядя Петя.

Лодку свою борт о борт поставил, отца за руку взял. С трудом отец глаза открыл мутные, незнакомые.

— Вишь, вот как, Петр Иванович, — сказал он невнятно. — Ногу сломал... кудри русые... Ты... как сюда?

— Э-э! «Дикарей» ваших ловлю. Выследил: с ружьишком ездят. Сегодня уж точно бы за руку схватил, да, видно, не судьба. Доставлять тебя надо до места. Ну от меня не уйдут. Веревка есть, дочка?

— Была, да я отрезала...

— Неужто сама плыть собралась?

— Сама.

— Ох ты, золото ты мое, оловянное! На вот. Привяжи, да покрепче. Стой, однако, сам привяжу. С ветерком в деревню прокачу, часа через три отца в больницу доставим.

— Вот хорошо-то! — сразу повеселела Нинка. — Дядя Петя, а это ты у «дикарей» корзины с рыбой взял?

— У них, дочка, у них.

— А почему?

— А чтобы вперед рыбку сетями не ловили.

Вот и сеточки ихние тут лежат. Да то ли им еще будет, браконьерам!

— Дядя Петя, а мы на озере утятков видели, у которых они маму убили. Так жалко стало!

— Ничего, отольются кошке мышкены слезы. Достреляются. А где утятков-то углядела?

— Да они прямо на наш «пяточок» вылезли. Мы их с папкой в руках держали.

— Заеду, поищу. Коли найду, заберу в деревню, там вырастут. Ну, поехали. Держись крепче, дочка!

Рывкнул мотор, рванулась лодка. От толчка Нинка чуть со скамейки не слетела. А потом вроде как по дорожке на велосипеде поехали, волны от моторки быстрые да твердые шли, и Нинкина лодка на них легонько подпрыгивала.

Вот это езда, так езда! Только мелькали кругом камыши, проносились мимо ивняки да ольшаники. Частые брызги дождем на Нинку падали, а она и брызгам радовалась.

Выскочила лодка из протоки прямо навстречу яркому солнцу. Отодвинулись назад острова, на берегу избушка «дикарей» показалась. Тихо около нее и пустынно, как возле нехорошего места. Вот и она исчезла, словно сгинула.

Из-за поворота встречная моторка вынырнула. Дядя Петя мотор заглушил, знак подает: остановись! Так три лодки рядом и сгрудились— целый флот.

На встречной моторке тоже знакомый сидел:

лысый дяденька, которому сено убирать помогали.

— Добро, что перенял тебя, Семеныч!— сказал дядя Петя.— Далеко ли направился?

— Зна-амо де-ело, Петр Ива-аныч,— протянул дяденька.— Воскресе-енье! Ры-ыбки поудить. А тут-то кто жа? Ой, ведь помо-ощники мои!

— Другой раз поудишь, Семеныч,— строго перебил дядя Петя.— Сам тебе подсоблю. А сейчас давай-ка поворачивай к дому. Михайлыч, вишь, заболел. В больницу доставь не мешкая.

— Да сам-то ве-ези!

— Повез бы, кабы дело не ждало. «Разбойничков» изловить надобно. Балуются с ружьишком на озере. Сегодня не возьму — завтра поздно будет.

— Ну, коли так... Че-его говорить! Кидай коне-ец. Ничего-о, девушка, ско-оро доплывем.

— Прощай, дочка! Михайлыч, не дрейфь! Доктора ногу склеят лучше новой!

Загудели моторки, разошлись. Полетел дядя Петя ловить «дикарей», а Семеныч — обратно в деревню. И опять подпрыгивала Нинкина лодка на волнах упругих, опять брызгалась моторка ей в лицо. Улезла Нинка под палатку к отцу, пригрелась. И будто в сонную яму провалилась.

СОДЕРЖАНИЕ

Едем!	5
Булька	7
В вагоне	10
Трудные вопросы	14
Находка	17
Грелки разные бывают	21
Руль — штука серьезная	24
Земляничная полянка	27
Чудо-юдо	32
Рыбацкая уха	35
Загадки	39
Сенокос	41
«Дикари»	47
«Направо пойдешь...»	50
Незнакомый знакомец	53
Дружина — человек вольный	58
Подводный лось	65
«Я нечаянно...»	70
Папкина польза	73
Сироты	77
К острову	79
Как живые	84
Паникаха	89
Несчастье	94
Держись, капитан!	98
Длинная ночь	103
Встреча	107

Елесин Василий Дмитриевич
ПЯТАЧОК НА БЕРЕГУ

Редактор А. А. Романов
Оформление Г. Н. Бурмагиной
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор С. И. Соколова
Корректор В. И. Пригодина

Сдано в набор 25.10.1976 г. Подп. к печати 2.2.1977 г.
Формат бумаги 70×108/32. (бумага тип. № 3). Физ. печ. л. 3,5.
Усл. печ. л. 3,67. Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 15000. Заказ 6907.
Цена 13 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение.
Вологда, Урицкого, 2.

Областная типография, Вологда, Челюскинцев 3.

11

13 коп.

